

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДИАНА УДОВИЧЕНКО
ИСТОРИЯ БАСТАРДА.
ВЕРХОВНЫЙ МАГ
ИМПЕРИИ

Диана Д. Удовиченко
Верховный маг империи
Серия «История бастарда», книга 3

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=285072
История бастарда. Верховный маг империи: Альфа-книга; М.; 2009
ISBN 978-5-9922-0487-2

Аннотация

Он снова победил. Храмовники наказаны, его главный враг бежал из дворца, правящая династия спасена. У него есть все: благосклонность императрицы, поддержка друзей, богатство, власть и честное имя. Ему дано право карать и миловать. Нет лишь одного – спокойствия. Его истинная сущность берет над ним верх, но разве он давал на это согласие? Мир Аматы залит кровью. Эльфийское войско вторгается в Лесной край, орки диких степей обретают былое могущество, колониальная война проиграна, в столице вспыхивают народные бунты, а по всей империи встают из могил кровожадные носферату. В своем стремлении к власти смертные сами не понимают, что отдают этот мир на растерзание бездне... И он опять вступает в бой.

Диана Удовиченко

История бастарда.

Верховный маг империи

От всей души благодарю своих друзей: очаровательную девушку Limbo (она же Ирина Павловна Сергеева) из Краснодара – за бесценную помощь с вычиткой и правкой этой книги; учителя истории Александра Тишкова из Москвы – за очень полезную, иной раз суровую, но всегда справедливую критику; моего любимого писателя Александра Гурова – за консультации по военному делу.

Автор

Еще много десятилетий, а быть может и веков в надежде выстроить правильную картину истории будут, словно кусочки мозаики, складывать в своих трудах события, завершившие Алмазный век. Сейчас, по прошествии столь малого времени, трудно сказать, что стало первым фактором, толкнувшим великую империю к краху, и что явилось последней каплей, переполнившей чашу бед. Думаю, чаще всего первопричиной будут называть болезнь Ридрига Второго. А завершением... войну жрецов? Народные бунты? Трагедию Аллирила?

Я не ставлю перед собой задачу соединить все звенья исторической цепи. Потому что явственно вижу лишь одну, главную болезнь – бесконечную самонадеянность, свойственную смертным. Крах империи Галатон есть не что иное, как следствие длинной череды интриг, предательств, подлостей и преступлений. Правители и жрецы, маги и военачальники, аристократы и богатые торговцы – множество сильных мира сего приложили руку к распаду некогда могущественной державы. Одних толкала алчность, другими двигала жажда власти, третьи возжелали утолить свое тщеславие. Но все они, сплетая хитроумную паутину лжи, распоряжаясь чужими жизнями, хватая жадными руками сладкие куски, забыли об одной простой истине: смертные не властны над миром. Мы – лишь крохотные песчинки в бесконечной пустыне Вселенной. И как ветер, расшавившись, уносит песок, так высшие силы, решив поиграть, легко смахивают в небытие целые расы и цивилизации.

Мир Аматы очень молод. В его глубинах все еще бурлят неведомые и непостижимые для нас силы. Равновесие его хрупко и ненадежно. Мы нарушили баланс, и это повлекло за собой события трагические и фатальные, завязавшие в один тугой узел противостояние трех великих рас и вмешательство четвертой – загадочной и почти всесильной...

Из трактата «Распад Галатона. Причины и следствия», написанного ректором Виндорского магического университета, профессором кафедры демонологии мастером Генериусом Клейвером.

* * *

Добрый день. Да, это опять я, Рик-бастард. Злокозненный темный маг, виновник двух покушений на жизнь императора Ридрига Второго, руководитель повстанческого движения, демонолог, некромант... Вроде бы не забыл ни одного своего титула? В общем, враг империи. Вижу, вы взволнованы? Куда-то спешите? Не стоит кричать: «Хватайте его! Вот он!» Что? Вы не собирались делать ничего подобного? Прошу прощения. Необходимость скрываться сделала меня излишне подозрительным. Привычка, знаете ли... Но все это в прошлом. Изменились обстоятельства, поменялись роли. Разве вы еще не обратили внимания на мое облачение? Так-то... Ах, вы просто хотите знать, как я жил все это время? Слушайте.

Не стану останавливаться на событиях, уже рассказанных мною однажды. Напомню только, что наш отряд, выполняя миссию, порученную императором, прошел сквозь джунгли Зеленого сердца, и это стоило жизни семерым из двенадцати, да возродятся они в счастливое время. Нас осталось пятеро – четверо смертных и один демон. И мы осуществили задуманное – отыскали всемогущее племя изначальных, на помощь которого наш монарх возлагал огромные надежды. Увы, им было не суждено исполниться. В селении изначальных, полном невероятных чудес, мы провели несколько недель. И получили категоричный отказ. Загадочные существа, не знаю, как их еще назвать, объявили, что не вмешиваются в дела людей. Мол, один раз, пятьсот лет назад, уже вмешались, а мы теперь будем расхлебывать. Зато мне сообщили, что я, оказывается, один из них, а высший смысл моего прихода в Зеленое сердце заключался в том, чтобы узнать истину о себе. Меня это откровение ничуть не обрадовало. Потому что толком объяснить, кто они такие, и, главное, зачем прячутся в джунглях, изначальные не захотели. Сказали: потом сам сообразишь. И отправили вместе с друзьями через пространственный портал обратно в Виндор, откуда и начиналось наше путешествие. Тут нас ждало еще одно потрясение: за время нашего отсутствия жрецы Луга всеблагого получили слишком большую власть и именем своего божества принялись истреблять темных магов, а заодно и всех, кто недоволен существующим порядком. Не понимая, для чего такой мудрый император, как Ридриг, объявил войну собственному народу, отправился я к нему на аудиенцию, доложить, что задание не выполнил, изначальных не привел. Ожидал, конечно, что навлеку на себя монарший гнев, да делать нечего было. Назвался бонниари – полезай в печку. Во дворце я узнал, что император вот уже много дней как не в себе, а заправляет государством Верховный маг – интриган и подлец Вериллий. Он-то меня в очередной раз и подставил. Поняв, что Ридриг околдован, я попытался ему помочь. За это меня обвинили в покушении на его жизнь и приговорили к сожжению. И Лютого с Дрианном заодно. Выручили нас борцы сопротивления – небольшой отряд, организованный смелыми людьми, которых не устраивали такие игрища власть имущих. После чего, конечно, мы к ним примкнули. Чем больше безобразий творили Вериллий с Верховным жрецом Луга, тем крепче становилось повстанческое движение. Мы сделали много полезного. Главным свершением было, пожалуй, освобождение всех узников Счастливого местечка, в числе которых был и мой опекун – дядя Ге. Мы оставили в тюрьме только разбойников и душегубов – прочих, арестованных по обвинению в использовании темной магии, выпустили. При этом перебили целую кучу тюремщиков, имперских псов, храмовников, их прихвостней и прочей швали. Большинство освобожденных ушли к нам, усилив и без того большое повстанческое войско. Ну, а потом... потом было, как в книге о демонах: чем дальше, тем страшнее.

А выпить как следует за встречу с дядей Ге нам в тот предрассветный час так и не удалось...

* * *

– Ну что, сынок, рассказывай, – потребовал дядюшка, когда мы, взяв у отрядного фуражира бутылку крепкой старки, краюху хлеба и голову сыра и расстелив на земле муриновый плащ, уселись под раскидистым дубом в нескольких десятках шагов от лагеря.

Рядом с дядей восседал совершенно счастливый Артфаал, вновь обретший своего дорогого друга. Я возился с костром, сквозь зубы поругивая отсыревший от ночного дождя хворост, и соображал, с чего начать повествование. Рассказать все свои приключения вкратце не получится, да и нехорошо выйдет: старику ведь интересно все, что пережил его воспитанник. В конце концов, я разжег костер с помощью огненного заклинания, решив рассказывать с самого начала, а именно, с посадки на «Шайани». Раскрыл рот, но неожиданно для себя выдал совсем не то, что собирался:

– Скажи, дядя Ге, ты что-нибудь знаешь о моих родителях?

– А ты? – спросил мой опекун, немного помолчав.

Сам не понимаю, что я рассчитывал от него услышать. Ведь этот вопрос я задавал дядюшке много раз и получал один и тот же ответ: «Мне ничего неизвестно». Но сейчас дядя медлил, задумчиво глядя на огонь и время от времени стряхивая с плеч последние желтые листья, которые ронял дуб.

– Ты что-то узнал, Рик? Выкладывай.

И я поделился с ним своими открытиями и догадками: о герцоге Марслейне, о портрете его сестры, несчастной Изабеллы, и ее образе, преследовавшем меня во снах. О Вериллии, Лютом и его матери, которую постигла страшная судьба...

– Но ведь у меня нет никаких доказательств, кроме невозможности считывания сущности близких родственников, – закончил я.

Старик все не сводил взгляда с игривых язычков пламени, отрешенно прихлебывая старку.

– Доказательства... – пробормотал он, – мне бы только до огорода добраться...

Пассаж про огород был настолько неожиданным и нелепым, что я даже забеспокоился: не повредился ли дядя Ге умом от пребывания в Счастливом местечке? Но не успел спросить о его самочувствии – из-за деревьев донесся тяжелый шорох слипшихся от дождя палых листьев. Кто-то торопливо шагал в нашу сторону. Вскоре перед нами предстал встревоженный мастер Триммлер.

– Вот вы где! – воскликнул он. – Пойдемте скорее в лагерь, похоже, беда стряслась!

Мы поспешили вслед за гномом. В середине лагеря, окруженный угрюмыми повстанцами, колыхался в предрассветной дымке фантом Паларии.

– В городе бунт! – выкрикнула волшебница, завидев нас с дядюшкой. – Портовый и Ремесленный кварталы восстали и громят все подряд! Рушат храмы Луга, дома жрецов и знати, разоряют лавки. Городская стража бездействует. Толпа идет к императорскому дворцу.

Этого нельзя было допустить.

– С герцогом связались? – быстро спросил я.

– Он ранен, – ответила магесса. – Пытался остановить бесчинства на улице Благородства. Чернь врывается в дома аристократов. Бунтовщиков так много, что их бессильны остановить даже магические ловушки. Несколько человек попадают, остальные идут дальше, наступая на их трупы. Герцог вышел из своего дома и заговорил с людьми. Но его не стали слушать, толпа была охвачена жаждой крови. Кто-то ударил его ножом в грудь.

– Где лорд Глейнор? – перебил ее я.

– Он в безопасности. Пока. Его слуги спустили собак и, воспользовавшись свалкой, перенесли герцога в дом. В подвале имеется потайная комната, там его и спрятали. Но долго он не протянет, истечет кровью. Ему срочно нужен хороший целитель.

– Вы сами где?

– Дома. Я осталась в тюремном дворе. Когда туда прибыли маги Совета и имперские псы, сделала вид, что оглушена заклятием. Меня отвезли домой, завтра предстоит беседа с Вериллием. Если, конечно, ему будет до меня дело... – горько усмехнулась Палария.

– Продержитесь до подмоги?

– Я все же маг Совета, – оскорбилась дама, – сама справлюсь, обо мне не беспокойтесь.

А вот герцог нуждается в помощи.

Фантом Паларии истончился и растворился в воздухе. Герцог нуждается в помощи... И не только он! Что он там говорил? Нельзя допустить, чтобы народ выступил против Ридрига? Нельзя... просто потому, что тогда Вериллий получит неограниченную власть. Правящая династия должна сохраниться, хотя бы формально. А ведь, сдается мне, этот бунт поднят неспроста! С одной стороны, вроде бы все закономерно: ободренные тем, что пало Счастлирое местечко, люди, измученные разгулом жрецов, наконец восстали против их произвола. С другой же... слишком все вовремя. И стоит за этим Вериллий, больше никому. Ведь что получается? Узнав о разгроме тюрьмы, он понял, что снова проиграл. Темные маги выпущены на свободу, силы повстанцев увеличатся многократно. А если предположить, что некоторых из арестованных – самых сильных волшебников – он навещал лично, как и меня, убеждая перейти на его сторону, то Верховный нажил себе много врагов. Вот и решил воспользоваться моментом, пойти ва-банк – вернуться к своему первоначальному плану. «Когда люди взбунтуются, нужно будет только направить их ненависть и разрушительную энергию в правильное русло. И тут появлюсь я – вождь возмущенных, заступник угнетенных. Галатцы пойдут за мной», – кажется так он говорил.

Значило ли это, что Вериллий сейчас возглавлял восстание? Вряд ли. Что-то подсказывало мне, что он находится в каком-нибудь уютном и безопасном местечке, где ждет: выгорит – не выгорит. Если получится – он руками взбешенной толпы уберет многих своих врагов. Заодно и расправится со жрецами, которые в последнее время стали реальной угрозой его власти. Допустит ли он нападение на дворец императора? Вопрос, однако. Скорее всего это и есть его главная цель. Да, дворец хорошо охраняется. Но ведь Палария сказала: городская стража бездействует... Конечно! Это доказывает, что ей отдан приказ не вмешиваться. Где гарантия, что гвардейцы будут охранять императора как следует? Слишком мало осталось у него верных сторонников. Ведь Ридриг сейчас совершенно беспомощен, быть на его стороне невыгодно, вот многие и переметнулись, чувствуя, что сила за Верховным. А честных людей среди придворных ой как мало. Магическая защита? Да, мощнейшая. Но откуда я знаю: может быть, какой-нибудь ловкач давным-давно ее снял или нейтрализовал на время? Да тот же Вериллий, кстати. А что все-таки произойдет, если бунт погаснет? Да ничего. Тем правильнее будет выглядеть отстранение Ридрига от власти и регентство Келдина. Ведь все расправы творились именем Луга и с бумагами, подписанными императором. Как ни крути, Вериллий в любом случае убивал двух гоблинов: ограничивал власть Падерика и устранял Ридрига. Но только если сегодня все пойдет по его задумке... устранение императора станет физическим. И Дарианна...

Все эти мысли пришли не плавно, одна за другой, а свалились в сознание одним комом. Вычленив из них имя Дарианны, я додумывать не стал.

– Все верно, дорогой барон, – промурлыкал в голове Артфаал.

Лютый, не дожидаясь никого, уже строил повстанцев.

– Куда? – бросил он, поймав мой взгляд.

– К императорскому дворцу, – ответил я.

Мастер Триммлер с дядей Ге склонились над картой сточных каналов.

– Есть! – выкрикнул гном. – Вот так вот пройдем, тут вот повернуть надо... Аккурат на площади Семи королей поднимемся.

– Веди, – сказал я, направляясь к храму Брижитты.

«Сколько нам еще лазать среди отбросов?» – раздраженно думал я, шагая по колено в зловонной воде и пробираясь через завалы разлагающегося мусора.

– Вопрос риторический, дорогой друг, – мысленно ответил лорд Феррли, – пока Вериллий находится на посту главы Совета.

– Ничего, – вмешался в нашу беседу дядя Ге, – даст Луг, и с ним справимся. Нам бы сейчас народ удержать...

– Кстати, как действовать будем? – деловито поинтересовался Копыл, кряхтящий в хвосте колонны.

– Придется разделиться, – ответил я. – Одна часть отряда пойдет к дворцу, другая – на улицу Благородства, выручать герцога.

– Одну минуту, – Артфаал плавно поднялся с моего плеча и повис в затхлом воздухе между двумя огненными шариками, освещавшими путь отряду, – на разведку слетаю...

Он исчез, но вскоре снова появился у меня на плече, сообщив:

– Просто мрак на земле! Все орут, визжат, трупы валяются прямо на улицах. Обезумевшая толпа рвется к дворцу, императорских гвардейцев на воротах уже перебили.

– Пора решать, кто куда, – громкий голос мастера Триммлера эхом отразился от стен туннеля. – Мы на перепутье. Вон то ответвление ведет к улице Благородства. А прямо – к площади.

Как ни рвалась душа к лорду Глейнору, которого я уже как-то привык считать своим родственником, не оставляло чувство, что мое присутствие необходимо на площади. И там Дарианна...

– Когда-то у меня была твердая пятерка по целительству, – проговорил Дживайн.

– Отлично. Пойдете с Грациусом. С вами... – я задумался.

Неплохо было бы послать туда Дрианна. С такой поддержкой они с кем угодно справятся. Но не хотелось выпускать парня из виду. Иначе там спустя полчаса останавливать некого будет.

– На улице Благородства тоже нынче многолюдно, – светским тоном заметил Артфаал. – Там ведь дома богатые, сами понимаете...

Понятно. Возмущенный народ должен направиться к площади Семи королей, ведь именно этого хочет Вериллий. А на Благородстве сейчас пасутся мародеры, решившие воспользоваться ситуацией и под шумок пограбить особняки аристократов. Решено. Сами попросились.

– Дрианн, пойдешь с ними.

Маг угрюмо кивнул, сохраняя на лице бесстрастное выражение, и лишь в его глазах загорелся нехороший огонек. Но мне было не до того.

– Вы там не заблудитесь?

Мастер Триммлер остановился, обернулся и, почесав бороду, уткнулся в карту. Потом передал ее мне, а сам двинулся к ответвлению, ведущему на улицу Благородства.

– Теперь все время прямо, потом налево, лейтенант. Уже не заплутаете. А я их и без карты доведу.

Я кивнул.

– Сколько с ними отправить солдат? – спросил Ом.

Я усмехнулся. Капрал Лютый дорвался до любимого занятия! Вот он уже именует некогда мирных виндорцев солдатами.

– Давай половину.

Ом с сомнением покосился на меня:

– Не много ли будет?

– Нормально.

Я понимал, что даже весь наш отряд не сможет справиться с разъяренной толпой. К тому же наверняка на площади Семи королей немало прихвостней Вериллия из светлых магов. Там обычные люди будут бессильны. Надежда только на нас, волшебников. А вот у дома герцога повстанцам Темной силы найдется, чем заняться. Мародеры – не чародеи, их и мечами с арбалетами можно разогнать.

Разделившись, мы разошлись по туннелям.

– Лорд Феррли, расскажите подробнее, что вы видели, – попросил я.

– Да ходят там разные... – неопределенно пробормотал демон. – Вы правы, барон, бунт – дело рук Вериллия. В толпе шныряют подстрекатели, а какой-то доброхот с лицом святоши водрузился на бочку и громогласно призывает расправиться с императором. Мол, во всем Ридриг виноват. Да, и еще: все бунтовщики пьяные. И пустых бочек там много.

Понятно. Верховный выставил угощение. И явно в старку было добавлено какое-то зелье, вызывающее временное умопомрачение. Значит, с бунтовщиками нам не совладать. Выход только один: направить их гнев в другое русло. Будем воевать с Вериллием его же методами.

Я выбрался из люка первым, на самом краю площади. Следом вылез Лютый и, наклонившись вниз, крикнул:

– Пошли, ребята!

Наше появление осталось незамеченным. Куда там! Вокруг творилось нечто невообразимое: народный бунт предстал во всей своей неприглядности и нелепости. Толпа редела, выкрикивая угрозы и проклятия. Лица людей были искажены яростью и безумием. Кто-то торопливо глотал из ковшей дармовую старку, кто-то пытался найти себе врага прямо среди горожан. И находил. Тут и там вспыхивали драки, жуткие в своей бессмысленной жестокости. Я принялся продираться сквозь плотную толпу в сторону императорского дворца. Оттуда доносился гул, который изредка перемежался дикими воплями. Сзади работал локтями Лютый, за ним двигались остальные. Приблизившись к воротам дворца, я увидел вышавшегося над бунтовщиками человека. В отличие от остальных, он был совершенно трезв.

– Вот он, – пояснил Артфаал.

Мужчине, визгливо выкрикивающему воззвания, было лет тридцать, наверное. Одет как ремесленник, в засаленную темную рубаху, лоб опоясывала лента, какую носят кузнецы и оружейники, чтобы пот не попадал в глаза. Вот только руки у оратора были подозрительно белые и холеные. Его лицо выражало такую святую одухотворенность, глаза горели таким истовым огнем, что сразу становилось ясно: этот фанатизм очень хорошо оплачен.

– Люди! Граждане! Братья! – взывал он. – Боритесь за свою жизнь! Ридриг пьет нашу кровь! На костер его! Пусть горит так, как сгорели невинные люди! Ломайте ограду, выносите ворота! Не бойтесь!

На каждый его выкрик толпа отвечала одобрительным гулом, налегая на кованую ограду и сотрясая ее. Перед воротами лежали растерзанные тела императорских гвардейцев, алые мундиры были пропитаны их кровью. Кровь пролилась повсюду, от нее скользкими стали камни. За оградой стояли несколько дворцовых магов – последний оплот защиты. Подняв руки, они держали заклинание, позволявшее забору не развалиться под напором толпы. Видно было, что их силы на исходе, тем более что среди окружавших меня людей я заметил несколько волшебников, взобравшихся на бочки и швырявших заклятия в сторонников императора. Несмотря на магическую защиту ограды, долго ей было не выстоять. Я начал опасаться за дворец.

– Когда подберусь к бочке, убирай этого ублюдка, – сказал я Лютому. Ом спокойно кивнул и вскинул арбалет.

– На вас – маги, – повернувшись к дяде, проговорил я и тут же убедился, что старику указчики не нужны: он уже подбирался к одному из светлых, держа пальцы щепотью. Копыл и Александриус тоже проталкивались сквозь толпу к намеченным жертвам.

– Передай по цепочке, – обратился я к Валиду, – вы должны разойтись в толпе, и когда я начну говорить, следить за реакцией людей. Если кто-нибудь начнет что-нибудь вякать против – убирайте как можно скорее.

– Ясно, – бросил моряк и нырнул в гомонящее скопище.

Вот и все, дело за мной. Артфаал куда-то исчез. Я принялся прокладывать себе дорогу сквозь стену человеческих тел, пуская в ход не только локти, но и кулаки, и простейшие заклятия. Вскоре сумел подобраться к бочке и изо всех сил заорал:

– Лютый, давай!

Тут же арбалетный болт пробил горло оратора, и, захлебываясь собственной кровью, тот рухнул на головы слушателей. Не мешкая, я сотворил Воздушный щит, напитав его силой мрака, и вскочил на бочку. Все, болты и стрелы мне были не страшны. И заклятия должны были разбиться о мою защиту. Теперь главной целью стало найти правильные слова, сумею пробудить в людях гнев против другого врага. Я вскинул руки и заорал:

– Стойте! Остановитесь!

На пьяных, одуревших горожан это никак не подействовало. Они прошлись по телу того, кого лишь секунду назад слушали и одобряли, и продолжили трясти ограду. Я пожалел, что обладаю таким слабым голосом. Однако попробовал еще раз:

– Жители Виндора!

На этот раз мой голос прозвучал неожиданно громко, и в нем появились несвойственные мне нотки властности. Каждое слово было убедительным и весомым, и я легко перекрикивал гудение толпы. Краем глаза я уловил, как дядюшка Ге, направив руки в мою сторону, совершает какие-то пассы. Вот пройдох! У него имелись заклинания на все случаи жизни.

– Стойте, горожане! Вас обманули!

Движение толпы замедлилось, люди стали обращать на меня внимание. Некоторые остановились и начали с любопытством прислушиваться. Так, похоже, дело пошло на лад. И вдруг...

– Не слушайте его! – завопил кто-то. – Это шпион Ридрига!

Толпа недовольно заворчала, готовясь подхватить чужую истерику. К крикуну рванулся Дейн с кинжалом в руке, и вскоре тот замолк.

– Вас обманули! Ридриг не виновен в казнях! – продолжал я. – Вспомните, он всегда был милостивым монархом!

– Да! – вдруг подхватило несколько голосов, явно принадлежавших людям из нашего отряда.

Хорошо, хоть какая-то поддержка. Дядя Ге, прижавшись спиной к бочке, на которой я стоял, уставился на народ. Его руки были скрещены на груди, и лишь кончики пальцев, сложенные на предплечьях, шевелились, сплетая вязь заклятия.

– Да это же Рик-бастард! – вдруг заревел какой-то в дымину пьяный моряк.

– Точно! – подхватил его сосед. – Рик-бастард!

Настроение толпы менялось.

– Тот самый, ребята, ей же ей! Своими глазами его видел, я на казни возле помоста стоял!

– Рик-бастард! Рик-бастард! – пронеслось по колышущемуся людскому морю. – Тот, который со своей казни ушел!

– Здорово, Рик, дружище! – проорал паренек в драной рубахе. – Он это, точно! Я с ним сколько раз в пивнушке сидел!

– Здорово, Жих! – ответил я, вовремя припомнив его имя. – Что ж ты, зараза, бунтовать пошел?

– Да я как все! – заржал парень. – Тут выпивку дают!

Вокруг раздалась смешки. Кажется, мне удалось овладеть вниманием толпы и немного изменить ее настрой. Чему, как я понял, немало способствовали усилия дяди Ге, который незаметно, одно за другим, отправлял в народ какие-то заклинания. Но долго это продолжаться не могло. Конечно, с помощью магии мы могли бы справиться с пьяными горожанами. Но тогда пришлось бы перебить полгорода. За что? За то, что их самих обманули? Нет уж. Но ярость, рожденная зельем, неизменно потребовала бы выхода. И ее следовало перенаправить на более достойного претендента. Идеально было бы на Вериллия. Но где он? Отсиживается в своем особняке? Не такой он дурак. Во дворце его точно нет, иначе он не позволил бы народу его штурмовать. Значит, оставался другой враг. Заодно и поквитаемся...

– Ребята, а чего ж вы во дворец стучитесь, когда казни устраивал Верховный жрец?

– Так дом его по камешку разнесли, – откликнулся коренастый кузнец, – нет его там!

– А в храме смотрели?

Толпа озадаченно замолчала, потом кто-то нерешительно отозвался:

– Нет... Мы сюда сразу пошли...

Ясное дело. Пособники Вериллия имели четкую установку: привести народ к императорскому дворцу. Что и было сделано. Бунтовщики прошлись по улице Радуги, а потом их направили к площади Семи королей, где выставили угощение. На храм слуги Верховного размениваться не стали. Скорее всего, разгромили бы его после взятия дворца. Думаю, Вериллий не собирался упускать Падерика, который представлял угрозу его власти. А может, и нет... Кто его знает.

– Так вперед! – я решительным жестом указал на храм.

Получив новую цель, толпа угрожающе-радостно загомонилась и задвигалась.

– Не слушайте его! Он подослан императором! – взвизгнул какой-то недобиток.

Тут же прямо мне в лицо полетел арбалетный болт, но, ударившись о щит, упал на землю. Наши ребята кинулись к подлецу, чтобы заткнуть вопящую пасть, но тот ловко лавировал в толчее, продолжая орать:

– Рик-бастард предатель! Не рушьте дом Луга! Вперед, на дворец!

Ну, и где логика, спрашивается? То они призывали безжалостно давить жрецов, подстрекали расправиться с императором именно в отместку за казни, а теперь Луга вспомнили?

– Там больше нет Луга! – зычно крикнул я, и мои слова подхватили луженые глотки повстанцев.

Народ заколебался. Часть продолжала давить на дворцовую ограду, другая медленно двинулась к храму. Но большинство стояло на месте, и я физически чувствовал, как в опьяненных, одурманенных людях снова растет недовольство, грозящее обернуться против нас. Здоровый моряк, узнавший меня первым, сжав правую руку в огромный кулак, многозначительно ударял им по левой ладони. Вдруг я ощутил непонятное движение за своей спиной. Толпа затихла, потом кто-то, указывая на меня пальцем, воскликнул:

– Смотрите! Смотрите!

Краем глаза я уловил странное белое сияние, бьющее откуда-то сзади. Усилием воли заставив себя не поворачиваться, просто стоял и ждал, что произойдет дальше.

– А'нхелли, это А'нхелли! – обморочно прошептал моряк.

– Луг явил нам чудо! – возопил дядя Ге.

Ребята наконец сумели утихомирить последнего из шпионов Вериллия, и тоже заорали:

– Чудо! Чудо! – хотя сами толком не понимали, что происходит.

Сияющие лучи становились все ярче.

– Рик-бастард послан Лугом! – надрывалась какая-то кликуша.

Мысленно поблагодарив ее за богатую идею, я торжественно приказал:

– Следуйте за мной!

Меня подхватили десятки сильных рук и перенесли к каменной стене, окружавшей храм.

– Ломайте ворота! – мои слова оказались лишними, толпа, воодушевленная лицезрением чуда, навалилась на тяжелые створки.

– Пока суть да дело, мы с Александриусом обработали забор и сняли магические ловушки, – мысленно сообщил мне вынырнувший из давки Копыл. – Никто не пострадает.

– А те, что внутри, во дворе?

Я подошел к оgrade. Зачем устраивать лишнее кровопролитие? Пока народ выносит створки, можно пройти сквозь камень и устранить все препятствия. Кстати же, это отлично впишется в мой новый образ посланца богов. Загадочное свечение вокруг меня иссякло. Зато на плече появился Артфаал. Выглядел он непривычно: его кошачье тело сделалось полупрозрачным, тающим в воздухе.

– Я совершенно измучен, дорогой барон, – томно сообщил демон, – и возвращаюсь во мрак, восстановить силы.

– А что случилось?

– Как вы думаете, легко низшему демону изображать светлую сущность? – задал встречный вопрос лорд Феррли.

– Так это вы?..

– Висел у вас за спиной в образе А'нхелли? Конечно, я, – в мыслеречи Артфаала прорезались саркастические нотки. – Или вы всерьез считаете, что посланы Лугом? Засим спешу откланяться, – с этими словами демон окончательно растворился.

«Обман, везде обман и мошенничество, – усмехаясь, думал я, просачиваясь сквозь камень стены. – Ай да лорд Феррли, ай да молодец!»

Но оказавшись в храмовом дворе, я и думать забыл о смехе. Мощеная квадратными плитами просторная площадка была просто нашпигована магическими ловушками. Я сам чуть не попался в одну: прямо под ногами взметнулся ввысь шипящий фонтан едкой жидкости. Дымящиеся капли, попадая на одежду, прожигали в ней дыры. Заслонившись Черным коконом, я нейтрализовал струю с помощью заклятия Тушения. Широкий поток ледяной воды смыл отраву, а я осторожно двинулся дальше. Чего только не нашлось во дворе дома лужьего! Острые пики, норвящие проткнуть снизу, змеи, выползающие из щелей между плитами, падающие на голову огненные шары и еще множество интересных вещей. Да, замечательную заботу о прихожанах проявил отец Падерик! Устраняя ловушку за ловушкой, я заодно обнаружил подслушивающие артефакты, вмурованные под камнями. Их тоже уничтожил. Если Верховный жрец отсиживается в храме, нечего ему знать, что происходит во дворе. Хотя я сомневался, что Великий отец так глуп, чтобы остаться в городе. Но надеялся, что в поисках его народ растратит часть своего боевого настроя. Ведь действие дурманящего зелья, каким бы оно ни было, должно прекратиться вместе с состоянием опьянения. Закон алхимии. Исключением являются яды. Да еще, честно говоря, я рассчитывал на храмовые подвалы, в которых просто наверняка имелись богатые запасы вина, старки и коньяка. Может, даже островного рамса – святые отцы ни в чем себе не отказывали. В этом случае бунтовщики просто упились бы до забытья. Тоже решение.

Как мне показалось, я убрал все ловушки. И вовремя. Прочные ворота все же рухнули под мощным напором, и толпа хлынула во двор. Тем временем я уже добрался до входа в храм, уворачиваясь от защитных чар. Рванул дверь на себя и вошел в большое помещение, предназначенное для проведения ритуалов в честь Луга. В центре зала на высоком пьедестале

стале возвышалась мраморная статуя бога, высотой, наверное, в три человеческих роста. Покровитель волшебников и ученых выглядел величественно и одновременно доброжелательно. Его лицо с тонкими, изящными чертами светилось одухотворенной улыбкой, глаза были устремлены на вход, словно бог приветствовал своих адептов. По плечам струились длинные волосы, голову украшал убор, напоминающий корону. Длинная одежда, похожая на мантию, какие носят маги, широкими складками ниспадала к пьедесталу. Руки Луг протянул вперед в жесте щедрого дарителя, на правой ладони он держал шар – символ законченности и совершенства. По обе стороны статуи стояли глубокие каменные чаши на фигурных поста-ментах – для пожертвований от прихожан. На стенах, между роскошными панно из черного дерева, мягко светились вечные свечи и курились дымком чеканные кадила, распро-страняя тяжелый сладковатый аромат. Сквозь разноцветные стекла маленьких, расположен-ных под потолком мозаичных окон падал преломленный солнечный свет, делая храм теплым и приветливым. Все выглядело так, словно зал был подготовлен для проведения церемонии поклонения. Не хватало только благостных сладкоречивых жрецов. Ощувив мимолетный укол совести, я поклонился Лугу и мысленно попросил у него прощения за святотатство. Хотя и был уверен, что бог здесь уже давно не появляется. Иначе чем можно объяснить тво-рящиеся его именем зверства и мерзости? В глубине зала, в углу, я заметил тяжелую занавесь из золотой эмиратской парчи. Да, именно оттуда во время служений появлялись жрецы. Бегом пересек огромный зал и, ощущая затылком дыхание наводняющей его толпы, нырнул за блестящую ткань. Передо мной открылся широкий коридор, из которого выходило мно-жество дверей. Я двинулся вперед, поочередно заглядывая в каждую из них. Конечно, и здесь хватало защитных чар. Но я уже наловчился с ними справляться. «Жаль, что со мной нет Грациуса, – думал я, – он бы все сделал гораздо быстрее». Но ничего. Пока народ топтался в ритуальном зале, соображая, куда идти дальше, я собирался пробежаться по всему храму. Во-первых, чтобы устранить ловушки и не допустить лишних жертв во время веселой народ-ной забавы под названием «поймай Падерика». Зачем? А то скажут потом, что я их нарочно заманил сюда. Обидятся и снова пойдут дворец громить. Ну, а главной моей целью, конечно, был сам Великий отец. Вот хотелось мне расправиться с ним собственноручно. Или хотя бы выволочь его наружу, отдав на растерзание толпы. Такие кровожадные мысли одолевали меня, когда я изучал содержимое комнат храма. Несколько маленьких каморок, обставлен-ных скудно, но чистенько. Узкие столы, заваленные какими-то бумагами, простые стулья – больше ничего. Наверное, здесь Великий отец принимал прихожан, желающих пожертво-вать храму. Этим он подчеркивал благородную бедность жрецов, скотина двуличная. Хозяй-ственное помещение. Запасные вечные свечи, начищенные до блеска кадила, ведра, горшки, какие-то тряпки... Кухня или что-то вроде этого. Остывшая плита, горка дров возле нее, тарелки, ложки и прочая утварь. Кладовая. Так... здесь многие задержатся. Свисаю-щие с потолка копченые окорока и целые свиные туши, корзины, полные спелых ароматных фруктов, остро пахнущие головы сыра. Да много чего! Хорошо кушают жрецы! Потому и жирные такие. За следующей дверью обнаружили ведущие вниз ступеньки, уходящие в сырую прохладную темноту. Принюхавшись, я решил, что это и есть винный погреб – снизу явственно тянуло запахом кислого вина. Я пошире распахнул дверь, уверенный, что именно это помещение заинтересует бунтовщиков больше всех. Еще пара комнаток с узкими топ-чанами и небогатыми пожитками, сложенными в углу. Очевидно, здесь жили наемные работ-ники, убиравшие храм и следившие за двором. Коридор разветвился на два более узких про-хода. Левый завел меня в тупик, пришлось вернуться и зашагать направо. А вот и трапезная! Зал почти не уступал по размерам ритуальному. Но рассматривать мне его было некогда, и я двинулся дальше, слыша за углом восторженные вопли: народ обнаружил кладовую и погреб. Отлично. А я пока поищу.

Чем дальше я шел, тем крепче становилась убежденность: Падерика здесь нет. Но я не сдавался, обыскивая комнату за комнатой. Толкнув последнюю дверь и увернувшись от огненного шара, который с треском разбился о каменную стену, я обнаружил в комнате жилищу. Юная черноволосая девушка, худенькая и бледная до прозрачности, забилась в угол и смотрела на меня огромными зелеными глазами, в которых плескался ужас. На ней было какое-то мешковатое рубище, ободранное и грязное. Руки девушка прижала к груди, словно пытаясь защитить ими свое полудетское, изможденное тело. От неожиданности я не нашел ничего умнее, чем спросить:

– Ты кто?

Девушка разжала запекшиеся губы и еле слышно прошепстала:

– Агнита...

– Агнита... не бойся, я не сделаю тебе ничего плохого, – успокаивающе заговорил я, медленно подходя ближе. – Что ты здесь делаешь? Работаешь прислугой в храме?

Из коридора, усиленные гулким эхом, раздались пьяные вопли толпы. Девчонка задрожала и еще сильнее съежилась в холодном углу, превратившись в трясущийся комочек и напоминая избитого щенка.

– Не бойся, – повторил я. – Пойдем отсюда, тебе никто не причинит зла. Я выведу тебя из храма.

Из широко распахнутых глаз покатались слезы. Я протянул ей руку, чтобы помочь подняться на ноги, но девушка дернулась, словно ожидая удара, и я услышал металлическое звяканье. Только тут заметил, что от ее ноги тянется толстая цепь, один конец которой прикреплен к вбитому в стену кольцу.

– Понятно... – процедил я сквозь зубы, – понятно...

Сердце сжималось в тугой ком болезненной жалости и клокочущей ненависти. Горло стиснул спазм гнева.

– Лейтенант! – в комнату заглянул Лютый. – Я тебя везде ищу. А это кто? – удивленно уставился он на девушку.

– Да вот, как я полагаю, наложница Падерика, – проскрежетал я, примериваясь, как бы половчее разорвать оковы, не напугав и без того трясущуюся девчонку.

– Не надо... – прошептала она, – Великий отец меня накажет...

– Нет здесь твоего великого отца, – сдавленным от злобы голосом проговорил я, воображая, не стоит ли шарахнуть по металлу Железным кулаком, или сразу уже Молотом Дадды.

– Он здесь! – голосок девушки сорвался от страха.

Я даже забыл, что собирался сделать. Ошарашенно посмотрел на узницу, потом присел на корточки и как можно ласковее спросил:

– Где он, моя хорошая? Ты знаешь, где спрятался Великий отец?

– Нет, нет, он опять будет меня бить! – зарыдала она.

– Не будет. Мы не дадим тебя в обиду. Ты только скажи, где он.

– Он отпустил всех жрецов и работников... потом пошел в потайное святилище. Я знаю, где это. Он часто меня там запирает... там очень страшно... там живут... живут...

– Хорошо-хорошо, не говори, коли тяжело. Сам разберусь, кто там живет, – заторопился я, боясь, что несчастная впадет в истерику либо погрузится в обморок, прежде чем расскажет о местонахождении этого самого святилища.

– Оно... – девушка чуть приподнялась с пола и зашептала мне на ухо.

– Понял... – отрывисто произносил я, – понял... хорошо... спасибо, милая. Ничего не бойся, поняла?

– Что? Нашли Падерика? – в комнату вошел Вадиус. – Там наши горе-бунтовщики, похоже, решили заночевать в храме. Вытащили из подвала бочки с вином, старку, закуску –

и веселятся в ритуальном зале и во дворе. Мы решили... – Он осекся и подслеповато сощурился. – Что это за дитя?

– Вот, поручаю это самое дитя вам, – нашелся я. – Ее нужно освободить и...

– Агнита? – прервал меня хриплый, полный муки голос. – Агнита, девочка, это ты?

На пороге стоял Валид Дейн. Его побелевшие губы сжались в нитку, на лице ходили желваки, смуглая кожа скул посерела. Он неотрывно смотрел на девушку. Потом вдруг, рванув с плеч холщовую куртку, одним прыжком преодолел клетушку и склонился над пленницей.

– Это младшая сестренка моей Мариты...

Теперь я был спокоен за девочку, она в надежных руках. Валид перегрызет глотку любому, кто на нее косо посмотрит. Копыл суетился возле цепи, нашептывая слова заклатья, Дейн нежно укутывал свояченицу курткой. Глядя на эту картину, я подумал: а может быть, у них все еще будет хорошо? Может, забота об этой юной девушке заставит Валида забыть грызущую сердце тоску, смягчит его душу, отравленную горем, ненавистью и неизбывной жаждой мести? Наверное, она напоминает ему жену... И быть может, когда-нибудь, спустя годы, когда Агнита станет старше и сумеет забыть пережитой кошмар, эти двое найдут счастье друг в друге? Ведь должно же когда-нибудь случиться что-то доброе в этом дерьмовом мире?!

– Пошли, – кивнул я Лютому.

Тот молча вышел вслед за мной. Из большого зала доносились хмельные крики и звуки залихватских песен. Мы вернулись назад, к тому месту, где широкий коридор переходил в развилку. Я направился к тупику. Здесь было темно, узкий короткий коридор ничем не освещался. Но нам с Омом этого и не требовалось. Я подошел к глухой стене и принялся ощупывать шероховатую поверхность камня. Можно было, конечно, пройти сквозь него, но тогда я остался бы без поддержки Лютого. А судя по рассказу девушки о водившихся в святилище сущностях, этого делать не следовало. Агнита сказала, что Падерик на что-то нажимал, произносил заклятие, и в стене появлялась дверь. Слов она, конечно, не знала, но я надеялся, что сумею воздействовать на тайник по-другому. Никаких рычагов я не нашел, и, разозлившись, хлестнул по камню потоком Темной воды. Помогло. Камень стал истончаться, стекая вниз, словно тающий лед. Я хотел было добить его Молотом Дадды, но Лютый, насторожившись, поднес палец к губам. Затем указал на стену, мол, не шуми, а послушай. За стеной звучали чьи-то голоса. Их было два. Один – дрожащий, визгливый, жалобный – принадлежал Падерику, его я сразу узнал. Великий отец, судя по интонациям, оправдывался в несвойственной ему подбострастной манере. А вот второй... Низкий и гулкий, но не сочный, каким обычно бывает бас человека, а холодный, не выражающий никаких чувств. Каждое произнесенное им слово тяжелым камнем падало на душу, рождая в ней какой-то первобытный, древний, безотчетный ужас. Этот голос не принадлежал человеку. Так могли бы говорить стены могильного склепа, обрети они дар речи. Так могла звучать песнь чумы, унесшей тысячи жизней. Так могла говорить сама смерть. Нет, даже в смерти больше тепла, чем в существе, чей голос звучал из-за стены.

– Ты обманул меня.

– Нет! Нет! – верещал Падерик.

– Я дал тебе возможность приобрести власть, деньги, поклонение людей. Но ты не выполнил свою часть договора.

– Я выполню...

– Уже нет. От тебя требовалось всего-то убить в людях веру в Луга. Но ты не справился.

– Простите меня, умоляю!

– Ты помнишь, какова расплата за нарушение договора?

Великий отец застонал:

- Не делайте этого, прошу! Хотите, я отдам вам свою рабыню?
- На что она мне? Ты сам мой раб, жалкий червяк! И будешь им вечно.
- Десять, сто жизней в обмен на мою! Тысячу!
- Ты, кажется, смеешь торговаться?
- Десять тысяч! Пощадите!

Мы с Лютым переглянулись. Так, чего доброго, жирный подонок подарит монстру всю империю вместе с потрохами! Пришла пора вмешаться в милую беседу. Кем бы ни был обладатель жуткого голоса, у нас найдется, чем его угостить. А потом и со жрецом разберемся. Ом сделал пару шагов назад, вскинул арбалет и кивнул. Я двинул по остаткам стены Железным кулаком. Истончившийся камень осыпался, и сквозь облако медленно оседающей пыли мы увидели невероятную картину.

Он был огромен и занимал собой все пространство узкого каменного мешка, который представляло собой тайное святилище. Увенчанная полумесяцами рогов голова упиралась в высокий потолок. Лицо... или нет, скорее, морда напоминала драконью, только была менее вытянутой. Из широких вывернутых ноздрей при выдохе извергался зловонный красный пар. Глаза цвета расплавленного золота не имели ни белка, ни радужки – лишь черные полосы вертикальных зрачков. Обнаженное тело цвета черного дерева, с прикрытыми набедренной повязкой могучими чреслами, бугрилось мощными мускулами. За спиной чудища я разглядел кожистый плащ сложенных крыльев. Изумленно рассматривая гиганта, я не к месту вспомнил Дрианна – не того угрюмого некроманта, каким он стал, а простодушного мальчишку, радующегося чудесам окружающего мира. Наверняка сейчас бы он восхищенно прошептал: «Какой красивый!» И, пожалуй, я бы с ним согласился. Существо было поистине великолепно в своей древней мощи. Это была красота разрушения, совершенство ужаса, первозданность смерти...

Я не сразу заметил у его ног, заканчивающихся огромными раздвоенными копытами, распростертого ниц Падерика, который причитал:

- Пощадите, темнейший князь!

В самом сердце Главного храма Луга всеблагого, в его тайном святилище, перед нами стоял всемогущий князь мрака, покровитель убийства, Верховный демон Варрнауш. Он внимательно, с любопытством ученого, разглядывал ворвавшихся людей, не предпринимая никаких попыток расправиться с нами. Палец Лютого лег на спусковой крючок.

- Не стоит... – пробормотал я, – ты его только разозлишь.

Сопrotивление было бесполезно. Никакой арбалетный болт не возьмет этого древнего демона. И ни один смертный, будь он воин, маг, шаман, думаю, даже полноценный изначальный, не сумеет справиться с Варрнаушем. Низшего демона, при удачном стечении обстоятельств, сумеет уложить даже обычный человек, разбирающийся в магии. Очень сильный демонолог, возможно, убьет или загонит обратно во мрак среднего – темного барона. Но встреча с высшими означает верную смерть. Когда же на тебя с высоты своего роста и бескрайнего могущества взирает Верховный демон – можно лишь молиться. Или не молиться. Просто ждать своей участи. Мне хотелось лишь одного – встретить свою смерть достойно, без воплей, мольбы о пощаде, коленопреклонения и пачкания штанов, что, судя по запаху, уже сделал Падерик. Поэтому я спокойно проговорил:

– Лютый, на всякий случай прощай. Извини, если что не так. Да, давно хотел тебе сказать: возможно, Вериллий и мой отец тоже.

Наверное, это прозвучало неуместно, но мне очень хотелось, чтобы Ом знал. А другого случая сообщить могло и не представиться. Отреагировал он интересно, бросив:

- Сочувствую, – потом, немного поразмыслив, спросил: – Так мы, выходит, братья?
- Догадливый ты, – усмехнулся я.

Лютый хотел что-то ответить, но не успел. Тело Варрнауша словно потекло, изменяя форму, становясь длинным и гибким, как у змея. Изогнувшись, демон наклонился ко мне так, что его морда оказалась прямо перед моим лицом. Хищные золотистые глаза пронзили меня ледяным взглядом. Словно увидев во мне что-то, что подтвердило его мысли, князь мрака кивнул и переместился к Ому. Тот вскинул голову и дерзко уставился в сияющую бездну глаз демона. Спустя несколько бесконечно долгих секунд Варрнауш, внезапно потеряв к нам всякий интерес, выпрямился, извиваясь и колыхаясь, превращаясь в бесформенную субстанцию. Черная масса опустилась на полумертвого от страха Падерика, втянула его в себя и с невероятной скоростью вылетела через пролом в стене. Поднявшийся при этом вихрь сбил нас с ног. Мы вскочили и кинулись вслед за сгустком мрака, который удалялся в сторону выхода. Не знаю, почему темнейший князь пренебрег нашими жизнями, но он мог уничтожить всех людей, находившихся в ритуальном зале и на храмовой площади. Впереди слышались крики ужаса, сливавшиеся в один громогласный вопль. Я не знал, чем могу помочь перепившимся бунтовщикам. Но все равно бежал, бежал, ощущая, как сердце выскакивает из груди, как замирает сама душа от одной мысли о том, что может произойти...

В дверях ритуального зала образовалась давка. Люди, обезумевшие от страха, позабывшие, зачем они здесь находятся, ведомые лишь одним стремлением – скрыться от воплощенного ужаса, толкались, топтали друг друга, орала и даже плакали. Толпа пребывала в истерике, и ни усилия нашего отряда, ни призывы Копыла с Александриусом успокоиться, ни даже успокаивающие заклинания дяди Ге не могли навести порядок. Демона в храме не было, очевидно, он пронесся через зал и вылетел на улицу. Тем более мне было непонятно желание людей покинуть храм. Поняв, что так они просто передают друг друга, я сотворил заклятие Тушения и обдал толпу широким потоком ледяной воды. Это отрезвило напуганных бунтовщиков, и нам кое-как удалось вывести их наружу. Лучше бы мы этого не делали. Посреди храмового двора, не обращая внимания на завывания обезумевших людей, высился Варрнауш, вернувший себе то обличье, в котором мы с Лютым его увидели. В лапах его болталось обвисшее тело Падерика. Как мне показалось, жрец был еще жив, но находился в глубоком обмороке. Люди с криками о помощи выбегали из ворот, около которых тоже царил бессмысленная толчея. К ограде жалась трясущиеся городские стражники, которые в своей лучшей манере прибыли в самом конце событий. Впрочем, поправил я себя, когда им было приказано, тогда и явились. Скорее всего, приказал Вериллий. Верховный маг, спрятавшийся на время беспорядков, сейчас сидит и руководит происходящим, словно сумасшедший дирижер безумным оркестром. Но вот появления Варрнауша он не мог предвидеть, в этом я почему-то был уверен. Не Вериллию мы обязаны визитом темнейшего князя...

Тем временем демон, которому, очевидно, надоел царящий вокруг шум, одной лапой поднял Падерика, а другой оторвал ему голову – легко, словно ребенок тряпичной кукле. На мостовую хлынула кровь, а князь мрака равнодушно отшвырнул в визжащую толпу все еще извивающееся в агонии тело. Голову он аккуратно водрузил на одну из каменных стел, украшавших вход в храм. Одновременно с этим когтистые пальцы схватили что-то бесплотное, видимое ему одному. Потом Варрнауш сделал несколько шагов по двору, давя онемевших горожан, расправил огромные крылья и тяжело, словно дракон, взмыл в воздух. Сделал широкий круг, на мгновение накрыв и храм, и двор черной непроницаемой тенью, потом вдруг исчез.

Люди, очнувшиеся от сковавшего их ужаса, с новыми воплями разбежались кто куда. Мы с Лютым остались стоять на ступенях крыльца. К нам постепенно стягивался весь отряд, ожидавший приказаний. Я обвел их взглядом. Валид, не выпускавший из объятий Агниту. Копыл, держащий в руках стопку пыльных книг. Александриус, невозмутимо разглядывающий установленную на стеле, словно уродливое, чудовищное украшение, голову великого отца с выпученными глазами и высунутым синим языком. Покряхтывая, подошел дядя Ге.

– Ты был прав, сынок, – сказал он, указывая куда-то мне за спину. – Луг здесь больше не живет.

Я оглянулся. Стены древнего храма сочились кровавыми ручьями.

* * *

Не знал Уран-гхор сколько дней и ночей провел он в клетке. Да и самому времени он давно потерял счет. Лишь одно удерживала изменница-память – ненавистное лицо рыжей человеческой шаманки. Она приходила часто, очень часто, скручивала руки и ноги орка неведомой мощью, словно невидимой веревкой стягивала. И насильно вливала в рот остро пахнущее, горькое дымящееся варево. От той горечи судорога сводила скулы, закатывались глаза, боль разливалась по всему телу. Потом шаманка зачем-то ощупывала его обездвиженные плечи, скованную волшебной грудью и уходила. Тогда оцепенение отпускало Уран-гхора, и он чувствовал разливающуюся по жилам злую силу. И бросался на прутья клетки, пытаясь сломать их, грыз неподатливое железо, в кровь раздирая рот. Обими руками брался за ошейник, тащил в разные стороны, дергал тянущуюся от него цепь, снова и снова пробуя разомкнуть звенья. Добраться, добраться до проклятой шаманки, которая снова и снова пытается его болью! Схватить, сдавить хрупкое белое горло, почувствовать, как выходит жизнь из слабого женского тела. Отомстить. Но безжалостная клетка не поддавалась, ошейник был крепок, а цепь нерушима. А потом, когда орк, утомившись от бесплодных метаний, задирает голову и выл, точно тоскующий вулкорк, снова являлась шаманка и швыряла ему свежий, сочащийся кровью кусок сырого мяса:

– Жри, зверь!

И он жадно хватал подачку и, задышавшись от нетерпения, рвал ее зубами, сдавленно рыча. Слово действительно был зверем...

Потом он впадал в забытие – горячее, тревожное, страшное. И даже в этом полусне-полубреду одержим был одним желанием – убить мучительницу. И росло орочье тело, становясь могучим, и наливались мышцы его небывалой силой. И рождался в этом теле дикий зверь, который хотел убивать. А разум угасал, уступая ему место.

– Крепись, Уран-гхор, будь сильнее! Борись, прогони из себя зверя! – шептал Сварг-гхор, прижимая лицо к прутьям решетки. – Ты – орк! Орк, а не зверь!

Но и на него бросался молодой вождь, рычал, брызгая слюной. И на губах его вскипала пена бешенства.

– Хорошо, зверь! – смеялась рыжая шаманка, глядя, как ее пленник сотрясает клетку. – Хорошо! Скоро ты будешь готов!

Он забывал. Забывал родную степь, свое племя, отца. Даже Айку. И само имя свое иной раз не мог вспомнить. Печально смотрел на него Сварг-гхор, прощаясь с товарищем.

Но однажды, глубокой ночью, когда Уран-гхор забылся тяжелым сном, к нему пришло видение. Прикатилось из черной пустоты пылевое облако. И вышел из него старый орк, в руке державший кривой посох. Посмотрел он на молодого вождя, покачал седой головой. И увидел тогда Уран-гхор глаза старика, окруженные глубокими лучами морщин. Выцветшие от времени, мудрые и всезнающие, древние, как земля орочьего гнезда.

– Изгони зверя, Уран-гхор, – сказал старый орк, – изгони. Много горя пережить тебе суждено, много боли. Много смертей ты увидишь. Змею ты уже знаешь. Теперь ищи ворона. Ступай за чумой, она поможет...

Снова прилетело облако степной пыли, подхватило старика и унесло. А Уран-гхор проснулся с бьющимся сердцем и долго лежал, пытаясь вспомнить свою жизнь. И когда появилась рыжая шаманка, влила в его горло варево, он замер, борясь с болью в теле. А когда женщина, ощупав его твердые, как сталь, мышцы, ушла, усилием воли заставил он

свой разум действовать, не поддаваться отраве. Еще сильнее стала боль. Не достучавшись до души, ринулась обратно в тело, разрывая его. Спасением было забытье, но Уран-гхор сопротивлялся, приказав себе не засыпать. Хрипел от муки, но снова и снова повторял зверю: «Уйди, я не сдамся». Так продолжалось и на второй день, и на третий. И наконец, зверь отступил. Память и разум возвращались к молодому вождю. Лишь тогда огляделся он вокруг и увидел: не только они со Сварг-гхором в плену у шаманки. Клетки вокруг не были пусты, в них жили странные существа. Там были гиганты с длинными острыми клыками, покрытые звериной шкурой. Многорукие чудища в чешуе, морды которых походили на змеиные. Бледные, тонкие, словно черви, уроды с сочащейся слизью кожей. Все они прятались, забившись в углы своих клеток. И сверкали из темноты желтые, красные, зеленые бессмысленные глаза.

– Они когда-то тоже были орками. А некоторые – людьми, – сказал Сварг-гхор, – но шаманка травила их своими зельями. Они поддались и превратились в чудовищ.

Посмотрел Уран-гхор на свои руки. Были они мощными, еще сильнее, чем раньше. Но ни острых когтей, ни чешуи, ни шерсти он не увидел.

– Она поит нас особым зельем, – прошептал Сварг-гхор, – от него зверь селится только внутри. Так она говорила. Я давно здесь и уже научился понимать слова людей.

– Но зачем ей это? – спросил молодой вождь.

– Чтобы... – начал его товарищ, но не успел договорить.

Лязгнул замок на железной двери, и в подземелье вошла шаманка. С нею были еще люди. Женщина приблизилась к клетке Сварг-гхора, взмахнула руками, прошептала что-то, и орк замер. Люди вошли в клетку, отсоединили от пола цепь, на которой сидел пленник, на руки и ноги надели тяжелые кандалы и куда-то потащили его. Вместе с ним увели и одного лохматого великана с медвежьим телом. Уран-гхор ждал, что скоро придут и за ним. Когда снова отворилась дверь, он воззвал к духам предков, чтобы дали ему сил достойно принять лютую смерть. «Я иду к тебе, отец», – думал он, жалея лишь о том, что никогда не увидит лица своего сына. Но его не тронули. Люди втащили в подземелье окровавленного Сварг-гхора и швырнули его в клетку. Глубокие раны зияли на груди орка, в кровавое месиво превратилось лицо. Едва дышал Сварг-гхор, и жизнь уходила из него. А лохматого зверя так и не привели, его клетка осталась пустовать.

Рыжая шаманка склонилась над раненым, осматривая истерзанное могучее тело. Работник принес ей кувшин с водой и чистые тряпицы. Промыв раны, женщина что-то проговорила, проводя рукой над грудью и лицом Сварг-гхора, полила из маленького кувшина зеленым варевом. Шипело и пенилось зелье, падая на разверстую плоть, кровь переставала вытекать. Вдруг шаманка резко обернулась и поймала взгляд Уран-гхора. Нахмурившись, оставила его товарища, принялась над молодым вождем колдовать. Онемев, почувствовал он, как в горло его льется проклятая горечь, а внутри вместе с болью просыпается зверь. Напоив его зельем, женщина не ушла, встала возле клетки, наблюдая за Уран-гхором. И тогда орк понял: нельзя показывать, что он разум сохранил. И выпустил зверя на свободу, кинулся вперед, рычал и бесновался. Шаманка довольно улыbnулась:

– Хорошо.

Когда она вышла, Уран-гхор без сил рухнул на пол, сжался в комок, загоня злобу внутрь, вздрагивая от боли. Потом уснул и видел во сне старого орка, грозившего пальцем и приговаривавшего:

– Ступай за чумой!..

С тех пор Уран-гхор научился притворяться. Он выл, бросался на шаманку, а потом, оставшись один, обуздывал свой гнев. Это получалось у него все лучше. Разум очищался, и боль понемногу уходила. Но знал орк: зверь все еще живет в нем и ждет своего часа.

Очень слаб был Сварг-гхор. Раны затягивались, но он все еще был в забытье и не мог рассказать товарищу, кто его изувечил. И настал день, когда шаманка со своими слу-

гами пришла за Уран-гхором. Его обездвижили волшебной силой, заковали в цепи, завязали глаза и куда-то потащили. Издали слышался глухой шум, словно рокотали под ветром волны реки Орени. Он становился все ближе и ближе. Наконец Уран-гхор ощутил под ногами твердую землю. Оцепенение прошло, тело слушалось его. Кто-то освободил его от цепей, сдернул с глаз повязку и сильно толкнул вперед. Орк огляделся: куда его привели? Впереди ширилось круглое поле, засыпанное песком. А вокруг кричали, говорили, смеялись люди. Много людей. Уран-гхор поднял голову: вот они. Поле окружено каменными стенами, а над ними – скамьи во много рядов, полные народу. Мужчины, женщины, дети – в ярких одеждах, веселые и довольные. Они смотрели на орка, показывали на него пальцами, хохоча, что-то выкрикивали. Злоба поднялась в душе Уран-гхора, когда среди людей увидел он ненавистную шаманку. Она сидела в первом ряду, держа в руках большое деревянное блюдо. К ней то и дело подходили люди, что-то говорили и клали на блюдо золотые монеты. Шаманка кивала головой, отдавала приказ сидевшему рядом прислужнику, и тот что-то рисовал углем на доске. Вдруг толпа встревоженно закричала, завизжали женщины, глядя куда-то за спину Уран-гхору. Он и сам почувствовал, как кто-то приближается к нему, тяжело ступая и шумно дыша. Не стал молодой вождь оглядываться, прыгнул вперед как можно дальше, упал, перекатился и вскочил, обернувшись лицом к неведомому врагу. Орочь чутье не обмануло: на него шло чудище, из тех, что жили в подземелье шаманки. Было оно похоже на вулкорка, только стояло на задних лапах, а передние, длинные и гибкие, заканчивались шестью пальцами. Тело твари покрывала серая клочкастая шерсть, глаза горели красными огнями, из зубастой пасти на песок капала голодная слюна. Неотрывно смотрел вулкорк на Уран-гхора, готовясь к прыжку. Молодой вождь отвечал ему пристальным взглядом, ловя каждое движение, чтобы не пропустить миг нападения. Тварь зарычала и ринулась вперед. Еще удар сердца – и длинное серое тело упадет на грудь орка, а острые клыки вонзятся в его горло. Уран-гхор стремительно отпрыгнул вбок, и вулкорк, поняв, что промахнулся, разочарованно взвыл. Ответом ему был такой же вой: это орк позволил зверю в себе вырваться на свободу. Больше не было мыслей и разума, остались лишь ненависть, злоба на врага. И желание убивать. Оно было так сильно, что горло передала судорога, заставляя Уран-гхора заходиться в приступе воя. Пена выступила на губах его, пальцы скрючились, словно уже сомкнувшись на шее противника. И невозможно было терпеть, ходить по кругу, выжидая, когда враг допустит ошибку, зазевается. Убить. Убить. Убить и ощутить запах крови... Два зверя прыгнули друг на друга. Два вопля взметнулись в боевом азарте. Два тела покатались по песку. Толпа отозвалась дружным криком. Люди вскакивали, чтобы лучше видеть кровавое зрелище. Но ничего не слышал Уран-гхор, одержимый жаждой убийства. Острые зубы полоснули по руке, разрывая кожу, обнажая плоть. Орк не почувствовал боли, но запах собственной крови подхлестнул его. Всем телом навалился он на врага, придавив его к земле, и вонзил клыки в горло вулкорка, впиваясь все глубже, сквозь вонючую шерсть подбираясь туда, где билась толстая жила. Чудище извивалось, царапало Уран-гхора когтистыми лапами, но зверь, проснувшийся в молодом вожде, требовал крови. И получил ее. Добравшись до жилы, рванул зубами – и тугая красная струя омыла его лицо. Вулкорк забился в агонии, а Уран-гхор долго еще терзал его шею. Толпа ревела, ликовала и негодовала. Опасливо, боком, зашли в круг двое слуг, чтобы утащить труп побежденного. Подняв голову, орк зарычал. Жуток был его вид. Это уже не Уран-гхор, это дикий зверь стоял над своей добычей. И никому не собирался уступать ее. Чужая кровь текла по лицу его, струилась по телу, смешивалась с собственной. Лютой ненавистью горели черные глаза. Слуги отступили в страхе. Толпа, указывая на них, хохотала. Тут только заметил орк наблюдавших за ним сверху людей и кинулся на каменную стену, словно хотел взбежать по ней, добраться до живой плоти. Раздались испуганные крики. Но поднялась со своего места рыжая шаманка, простерла вперед руку, выговорила повелительно несколько слов. И замер на месте Уран-гхор, не в силах про-

должать свой смертоносный бег. По толпе пронесся облегченный вздох. Слуги, ухватив за лапы недвижимого растерзанного вулкорка, потащили его к выходу, оставляя на песке широкий багровый след. Уран-гхор ощутил, как отпускает волшба, тело вновь обретает гибкость. А толпа радостно завопила, приветствуя его нового врага. В круг вступило существо, похожее на степную ящерицу – морщана. Но только было оно огромно и передвигалось на шести лапах. Медленно-медленно несла тварь свое длинное, с виду неповоротливое тело, тяжело ступая по песку. Желтые глаза сонно смотрели на орка. Толстая жесткая чешуя покрывала чудовище, как доспех – воина. Такого уже не загрызть, даже острые орочьи клыки не в силах преодолеть защиту. Тупая змеиная морда твари равномерно раскачивалась в такт поступи, толстый хвост прокладывал в песке глубокую борозду. С острой тоской ощутил Уран-гхор, как кровь течет из ран, нанесенных зубами вулкорка. Ни одна из них не была смертельной, но каждая делала воина чуть слабее. Привлеченный запахом крови, ящер вдруг стремительно кинул свое могучее тело на орка. Хвост, метнувшись из стороны в сторону, ударил Уран-гхора в плечо, припечатав к камню стены.

– Зверь! – раздался крик рыжей шаманки, и над головой сверкнула серебристая молния.

Брошенный женщиной кинжал вонзился в песок в двух шагах от него. Люди замерли в ожидании. Превозмогая боль в ребрах, Уран-гхор прыгнул к оружию. Спасительная рукоять плотно легла в ладонь. Но ящер уже нависал над ним, встав на задние лапы и раскрыв бездонную пасть. Орк ожидал удара, укуса – чего угодно. Но в лицо ему полетел комок вонючей слизи. Слюна твари залила глаза, выжигая их, впиваясь иглами боли, словно раскаленное железо. Кожа на лице лопалась, разлезалась, как гнилая тряпка. Уран-гхор сжался в комок и наугад сделал кувырок назад, вскочил, ревя, как раненый медведь, пытаясь стереть ядовитую слюну. Ящер отполз, ожидая, когда отравы подействует и добыча перестанет трепыхаться. Но зверь в разуме молодого вождя хотел жить. Это он заставил орка замолчать, подавить боль, это он прислушивался к шороху песка, вслепую определяя, где находится враг. Это он взметнул тело Уран-гхора в длинном, чудовищном, невозможном прыжке. Зверь вскочил на спину ящера, оседлал его, намертво обхватив ногами, припав к шее, слившись с врагом и перебираясь ближе к голове. Зверь нащупал уязвимое место и, повинаясь своему дикому чутью, вонзил кинжал в глаз врага. Тварь зашипела, извиваясь от боли, и встала на дыбы, стремясь сбросить строптивое существо, которое должно было стать пищей. Но орк, чудом держась на спине ящера, выколол ему второй глаз. Потом скатился вниз. Люди ахнули, ожидая, что ящер растопчет Уран-гхора. Но молодой вождь, проскользнув между тяжелыми лапами, ударил кинжалом в брюхо, туда, где чешуя была тоньше и мельче. Острая сталь вспорола плоть, вываливая на песок блестящие кишки. Орк отскочил в сторону. Чудище долго еще билось, сопротивляясь неминуемой гибели, но наконец лапы его разъехались в сторону, хвост перестал молотить песок... Толпа ревела и бесновалась. Ослепший Уран-гхор, обессилев, присел, опершись на стену. Яд медленно убивал его. И уже впадая в горячку, он почувствовал, как его подхватили и куда-то понесли. Его качало, увлекая все дальше... дальше... И вот уже лежал он на плоту, охваченный пламенем, уплывая по водам холодной реки Орени. Так в Орочьем гнезде прощаются с воинами. И плакали женщины. И выл ветер, и отвечали ему вопли нордаров. И духи предков, собравшись у костра в землях доброй охоты, ждали молодого вождя...

Но не время было Уран-гхору уходить к предкам.

– Очнись! Очнись! – кричал из облака пыли старый орк.

– Очнись! – вторил ему хриплый голос.

С трудом разлепил молодой вождь воспаленные глаза. Сначала видел он лишь силуэт, но потом различил прижавшееся к прутьям клетки лицо Сварг-гхора.

– Слава кровавой Морриган, духам предков и бездне, ты жив! – сказал товарищ.

Уран-гхор заговорил и сам не узнал своего голоса – так слаб он был:

– Что... это... было... там?

– Бой, – мрачно ответил Сварг-гхор. – Мы все – рабы шаманки. Она поит нас своими зельями, придающими силу и отнимающими разум. Превращает в зверей, чудовищ. А потом заставляет сражаться друг с другом на потеху людям. За это ей дают золото, много золота. Ты – хороший воин, ты убил двоих. Поэтому она вылечила тебя. А когда ты окрепнешь, пойдешь сражаться снова. И так будет, пока не найдется воин сильнее тебя.

– Но зачем... она помогла мне?

– Помогла? – смех Сварг-гхора был горек. – Она кинула тебе оружие, так?

– Так...

– Это закон боя. Воин – человек или орк – идет против ящера с кинжалом. Я тоже ходил. Но это все равно, что воевать с нордаром, вооружившись травинкой. После этого боя никто не выжил. Только ты и я.

Ныло тело Уран-гхора, но он нашел в себе силы приподняться и сесть, держась за прутья.

– Отсюда можно сбежать?

Сварг-гхор усмехнулся:

– Нет, орк. Отсюда только одна дорога – в звериный могильник. Это яма, в которую сбрасывают убитых, смертельно раненых, больных и слабых.

– Не может быть! – оскалился молодой вождь. – Я сбегу отсюда. Сбегу и отомщу.

Печален был взгляд Сварг-гхора, когда он произнес:

– Что ж... ты молод. Надейся. Но помни: мы живы, пока сражаемся.

* * *

– Куда теперь? – спросил Лютый, с усмешкой наблюдая за перепуганными мятежниками, которые, забыв о цели своего прихода в храм, со всех ног улепетывали под защиту своих домов.

– Сейчас выясним.

Я подозвал Копыла, который уже успел бегло осмотреть Агниту и, поставив ей диагноз «нервное и голодное истощение», давал Дейну рекомендации по уходу за девушкой.

– Вадюс, вы не могли бы послать свою астральную проекцию на улицу Благодарства? Я хочу знать, нужна ли там наша помощь?

– Один момент! – Маг уселся на крыльцо храма, не обращая никакого внимания на его зловещий вид, и замер, прикрыв глаза.

Вскоре он уже выглядел так, словно впал в спячку. Тело его сделалось неподвижным, лицо лишилось всякого выражения. Копыла можно было бы принять за мертвеца, если бы не слабое дыхание, еле заметно вздымавшее грудь. Прошла минута, вторая, третья... Наконец Вадюс встрепенулся и открыл глаза.

– Я был в доме. Помощь отряда не нужна. Кажется, там Дрианн перебил всех, кого можно. Но герцог очень плох и требует вас. Следует поторопиться, юноша.

– Только меня?

– Во всяком случае, я так понял, – нетерпеливо взвизгнул маг, – повторюсь, он очень плох! Едва говорит.

– Я с тобой, – сказал Ом.

– Нет. Ты должен быть с отрядом. Командуй отступление, возвращайтесь в лагерь. Скоро город будет полон имперских псов, стражников и прочих шакалов Вериллия.

– Да кто из них после такого нос из дома высунет? – недовольно пробормотал Лютый.

Больше возражать он не стал, словно молчаливо признав мое право на главенство. Вместо этого проорал:

– Отряд! Стройся! Слушай мою команду!

Я достал из кармана сложенную вчетверо карту и протянул ее капралу:

– Разберешься?

Тот кивнул и хлопнул меня по плечу:

– Ты сам там... не нарывайся.

– Стойте, стойте, юноша! – возопил Вадиус. – Вы что же, будете добираться до улицы Благородства по верху?

– Ну, а как еще? – огрызнулся я. – Карта-то у вас! Да я и не сориентируюсь во всех этих переходах. Заблужусь, потом мастеру Триммлеру придется снаряжать на поиски всю свою родню!

– Но накиньте хотя бы морок, что ли! – засуетился маг. – Нельзя же так безалаберно себя вести! Молодость, молодость... Погодите, юноша. Вы, наверное, переутомились. Сейчас-сейчас, я сам. Только соображу, что бы такое сотворить...

Мне пришла на ум интересная идея.

– Вадиус, а вы можете сделать меня бледным и прозрачным?

– Вас не могу, – захихикал Копыл, – а иллюзию – запросто!

Он помахал надо мной руками, пошептал, потом отошел и удовлетворенно заключил:

– Инфернальненько...

– Ты похож на призрак неупокоенного душегуба, – ухмыльнулся подошедший Александрис.

– Отлично!

Я совсем уже было собрался уходить, как вдруг понял, что нигде не вижу дядю Ге. Внимательно оглядел храмовый двор. Старик как сквозь плиты провалился.

– Вы мастера Генериуса не видели? – спросил я магов.

– Он сказал, что должен прогуляться, – спокойно ответил Вадиус.

– Как прогуляться? Почему прогуляться? Это же опасно!

– Не опаснее, чем идти на улицу Благородства, – парировал ехидный старикашка. – Не переживайте за своего опекуна, юноша. Он величайший маг современности. Если не принимать во внимание способности, приобретенные вами в Зеленом сердце, вам до дядюшки, как... до Абсолюта на карачках.

Ох уж эти мне пожилые волшебники! Сколько спеси, сколько высокомерия! Все-то они знают, все умеют. Остается только удивляться, почему же они, при всей своей вселенской мудрости, допустили такой бардак? Расхлебывать который, между прочим, приходится нам, зеленым юнцам. Ворча про себя не хуже Копыла, я пожал плечами и, попрощавшись с товарищами, отправился в путь.

Отдалившись от ограды храма на пару фихтов, я убедился, что ни мне, ни дяде Ге, скорее всего, ничто не угрожает. По крайней мере, в ближайшие несколько часов. Даже если бы сейчас по Виндору проскакал отряд голых эльфиек на единорогах или промаршировал полк морских троллей, вооруженных пуховыми подушками – никто бы и внимания не обратил. И уж тем более никому дела не было до одинокого унылого призрака, скользящего по краю улицы. Город опустел, жители попрятались по домам, словно ненадежные крыши могли защитить их от исчадий мрака. Разоренные лавки и трактиры мрачно взирали на меня провалами выбитых окон. Тут и там лежали на мостовых тела несчастных, забитых или просто затоптанных неуправляемой толпой. И будь они все храмовниками – тогда бы еще куда ни шло! Нет, среди них попадались люди в одежде ремесленников, торговцев, моряков. Посреди дороги, в пыли, лежала, широко раскинув руки и устремив в небо мертвый взгляд голубых глаз, юная аристократка в роскошном платье, в недобрый час решившая отправиться на прогулку. Ее карета стояла тут же, с козел свешивался труп кучера. Великолепные серые лошади,

напуганные запахом крови, прядая ушами, нервно переступали на месте, вскидывая изящные головы. Стражник... студент в синей мантии... жрец храма Пирия...

Да что же это творится? Неужели боги отвернулись от Галатона? Неужели сбывается пророчество изначального: «Потомки тех, кто жил при Ридриге Первом, испытают на себе все беды, которые должны были произойти в течение тех пятисот лет. Все войны, болезни и катастрофы, которые должны были случиться в разные периоды истории Галатона, обрушатся на него в одночасье». Я дошел до улицы Благодоства. Те дома, что стояли вдоль широкой дороги, были разграблены. Выломанные ворота, выбитые двери... Некоторые особняки мародеры подожгли. Теперь вокруг пылающих зданий суетились люди, пытавшиеся залить огонь. Я хорошо помнил, где именно находится дом герцога Марслейна, ведь именно к нему мы бежали тогда, спасаясь от казни. Завернув за угол, я зашагал ко второму ряду зданий, стоящих поодаль от дороги. Здесь картина не была такой удручающей. Я не увидел ни одного трупа – то ли их уже убрали, то ли обитателям как-то удалось защитить себя. Впрочем, имелось еще одно объяснение, которое я предпочел не обдумывать. Любопытно, что на улице Благодоства обнаружилась городская стража. Правда, смелых вояк было не так уж и много, и они пребывали в прострации, рассеянно шатаясь между особняками и переключаясь унылыми голосами. Но все же я не стал рисковать и привлекать к себе их любезное внимание. Поэтому просто шагнул в стену ближайшего дома, встретившего меня роскошно обставленными комнатами, в которых царил мягкий полумрак – портьеры на окнах были наглухо задернуты. Я пошел сквозь стены, намереваясь выйти с обратной стороны особняка и таким же образом преодолеть следующий. По моим подсчетам дом лорда Глейнора должен был стать пятым на пути. Молодой лакей, заметив, как я, распространяя легкое свечение, проплываю по коридору и впитываюсь в драпированный шелком простенок, громко икнул, уронил поднос с жалобно зазвеневшими чашками и припустил наутек. В одной из спален обнаружилась возлежавшая на просторном ложе дряхлая старушка в чепце с оборками, которая, вопреки ожиданию, ничуть не испугалась. Она приподнялась на подушках и басом пропела:

– Лорд Майн, мой дорогой супруг, наконец-то вы пришли за мной!

Еле увернувшись от ее худеньких, но удивительно цепких рученок, я просочился в следующую комнату. Там красивая зрелая женщина страстно целовалась с молодым парнем. Проходя мимо них к противоположной стене, я смущенно кашлянул, давая понять, что ничего не вижу, да и вообще, так, случайно зашел. Дама завизжала, а ее храбрый кавалер, упав на пол, ужом заполз под кровать. Правильно, вот пусть теперь посмотрит, с кем связалась. Детишек мне на пути, слава Лугу, не попало. Не хотелось бы их пугать.

Оказавшись на улице, я облегченно выдохнул и ввинтился в розовый камень следующего здания. Здесь, к моей великой радости, было пусто. Я беспрепятственно прошел сквозь дом. Третий особняк порадовал обилием хорошеньких служанок, которые так соблазнительно визжали при виде призрака, что мне сразу захотелось их утешить. В четвертом мужественный обитатель в форме полковника имперских ястребов – всегда знал: кого попало туда не возьмут! – чуть не прошел меня из арбалета. Я едва успел поставить щит и скользнуть в стену.

И вскоре я очутился возле знакомого мне дома. Здесь спешить не стал и вдоль высокого забора прокрался к парадному входу. Так и есть! Дрианнова работа. Пространство перед воротами было завалено трупами. Грустные стражники, лениво переругиваясь, нехотя укладывали тела в повозку. Пройдя сквозь забор, я обнаружил, что и во дворе мой товарищ тоже потрудились. Слуги герцога подхватывали тела мародеров за руки и ноги и вышвыривали их за ворота.

– Что вы делаете? – злились стражники.

– Защитить нас не могли, так хоть могильщиками поработайте! – огрызались лакеи.

Решив, что бедным парням на сегодня хватит сильных впечатлений, я постарался снять с себя морок. Очевидно у меня это получилось: при моем появлении никто не завопил, не забился в истерике и не упал в обморок. А может, слуги у герцога были под стать ему – не из робких. Самого Дрианна я нигде не заметил.

– Вы господин Рик? – спросил пожилой дворецкий, чем-то напомнивший мне Сэма Блитта. Тот тоже в любой ситуации умудрялся выглядеть и вести себя безукоризненно.

Я молча кивнул.

– Лорд Глейнор ждет вас. Следуйте за мной.

– Как он?

Лицо старика дрогнуло, выцветшие глаза заблестели:

– Очень плохо, господин. Поспешите, пока он в сознании.

Я вошел в дом, где поселилась беда. Она была во всем: в печальных взглядах слуг, в тонком аромате лекарственных трав, в следах крови на полу... Сам воздух был пропитан несчастьем и скорбью по хозяину.

Дворецкий провел меня на второй этаж, зашел в одну из комнат, мягко притворив за собой дверь. Вскоре он вернулся и жестом пригласил меня войти. Комната встретила меня густым запахом лекарств и хрипами раненого. Дживайн, сидевший у постели герцога, поднялся и двинулся мне навстречу.

– Что скажешь? – тихо спросил я, боясь услышать ответ.

– Мы пришли слишком поздно, – прошептал маг, – большая кровопотеря, пробито легкое. Я могу лишь облегчить его страдания, но спасти уже не в силах.

С этими словами Дживайн покинул комнату. Я подошел к кровати. Лорд Глейнор лежал с закрытыми глазами, похоже, он задремал. Его лицо было бледным, губы посинели. Грудь стягивала повязка. Не зная, стоит ли его будить, я опустил на стул. Неужели ничем нельзя помочь? А как же магия? Тут меня осенило: энергетическое вливание! Ведь я сумел помочь Лютому, тогда, на Южном континенте! И Дрианна спас, перелив в него силу некромантки. Конечно, оба они были поражены волшбой, а здесь ножевое ранение. Но быть может, если я поделюсь с герцогом своей энергией, его рана заживет? Только бы мы действительно оказались родственниками! Я сосредоточился и вышел в астрал. Вот она, аура лорда Глейнора, серая, с легким серебристым свечением. Напротив груди зияла большая дыра с почерневшими, словно обугленными краями. Энергетические каналы... жизненный канал оборван! Разве может быть такое? Ведь герцог еще дышит. Я попытался прикоснуться к обрывку тонкой ниточки, связывавшей раненого с жизнью. Но ничего не получилось, меня вынесло из астрала. Водворившись в тело, я задумался, все еще не желая сдаваться. К кому обратиться? Дживайн сказал, что он бессилен, Дрианн может разве что забрать жизнь, но никак не спасти ее. Дядя Ге куда-то исчез. Я попробовал вызвать Артфаала, но тот упорно не желал появляться. Скорее всего, он был так обессилен, что наша с ним связь нарушилась. Копыл? Точно, ведь он лучший в Совете специалист по тонкой магии! Но Вадиус сейчас с отрядом, пробирается по сточным канавам или, может быть, уже прибыл в лес Душегубов. Как с ним связаться? Только с помощью астральной проекции. Я никогда не переносил свое сознание в фантом, мой опыт ограничивался лишь сотворением иллюзий. Как это делал Копыл? Там, на ступенях храма, он сидел, отрешившись от окружающего мира, а спустя краткий промежуток времени с нами осталось лишь его недвижимое тело. Сознание же отправилось на улицу Благородства. Я решил попытаться и, откинувшись на спинку стула, постарался придать телу максимально расслабленное положение. Затем снова вернулся в астрал. Оглядев свою ауру, отщипнул от нее кусочек. По всему выходило, что путешествовать должно астральное тело. Только следовало сделать его видимым, окружив фрагментом ауры. Получилось. Конечно, мой фантом был далек от совершенства – он вышел более бледным и искаженным, чем проекция, в которую воплощался Вадиус. Но узнать меня в этом колышущемся призраке

было можно. Как теперь заставить проекцию перенестись к Копылу? Я начал представлять лицо мага, вспоминать его черты во всех подробностях, мысленно повторяя: «Мне нужно к нему, мне нужно к нему»... В какой-то миг все вокруг подернулось туманом, пространство исказилось и поплыло, а я обнаружил перед собой встревоженное морщинистое лицо.

– Что-то случилось, юноша? – проскрипел Вадиус.

Мы находились в лагере повстанцев. Усталые люди устраивались на отдых, и только Ом обходил свой отряд, расставлял караулы, распоряжался насчет выдачи провизии.

– Вы можете помочь герцогу?

– Если бы мог – помог бы, – грустно ответил маг. – Я осмотрел его, жизненный канал не подлежит восстановлению.

– Но он ведь еще жив!

– Только за счет внутренней энергии своего тела. Как только она исчерпается, лорд Глейнор перейдет в Счастливые долины. Так что не тратьте время зря, юноша, а лучше выясните, о чем герцог хотел с вами побеседовать. Это может оказаться важным не только для вас.

– Сколько ему еще осталось?

– Трудно сказать... Судя по тому, что я видел – несколько часов, не больше. Ступайте, ступайте назад, не теряйте ни секунды!

Я не заметил, как снова очутился в спальне герцога. Раненый все еще дремал, тяжело, со свистом выталкивая из себя воздух. Неужели ничего нельзя сделать? Эх, Райла бы сюда! Уж он-то сумел бы затворить эту рану... а может быть, попробовать самому? Ведь я тоже обладаю, пусть и частично, силой изначальных. Успокоиться... отрешиться... почувствовать бесконечность... прикоснуться к ней... ощутить Вселенную вокруг себя и внутри себя... услышать ее голос... Внезапно я вздрогнул и открыл глаза. Все кончено. Теперь уже точно. Я обратился к Вселенной и услышал ее ответ, так явственно, словно кто-то прошептал мне его прямо в ухо. Его путь окончен. В книге судьбы сделана последняя запись.

Будто услышав мои мысли, лорд Глейнор очнулся и произнес:

– Ты пришел... Рик... это хорошо...

Каждое слово давалось ему с трудом. Он говорил так тихо, что мне пришлось наклониться к нему ближе, прислушиваясь к прерывистому шепоту.

– Я умираю... послушай... ты должен возглавить повстанцев... спаси империю... уничтожь Вериллия...

Я открыл было рот, но герцог, собравшись с силами, продолжил:

– Твои возможности... сумеешь только ты... клянись...

И я поклялся. У постели умирающего, во имя всех богов, дал обещание выполнить его последнюю волю. Это было легко. Потому что даже без этой клятвы я сделал бы все, чтобы очистить мир от заразы, именуемой Вериллием Фламиером. У меня были к нему личные счеты... Бледные губы лорда Глейнора искривила болезненная улыбка.

– Хорошо... теперь я могу уйти... жалею только об одном... сын Изабеллы... я так и не нашел его... теперь наш род оборвется...

Я разрывался между желанием рассказать герцогу о своих догадках и опасением, что он сочтет мои слова ложью, попыткой успокоить его. Вдруг за дверью раздалась возбужденные голоса. Спорили двое.

– Нет-нет, к господину нельзя! – нервно восклицал один, в котором я узнал пожилого дворецкого.

– Не шуми, старина. У меня важное известие для лорда Глейнора, – добродушно гудел голос дяди Ге.

– Не пуцу!

– Лучше отойди по-хорошему.

Очевидно, слуга не внял предупреждению дядюшки, потому что в следующую секунду раздался его испуганный вопль, следом – звук удара о стену. Тут же дверь спальни распахнулась, пропуская моего опекуна. В руках дяди была какая-то перепачканная землей жестянка.

– Ступай, сынок, подожди за дверью, – спокойно кивнул дядя, – нам с его светлостью поговорить надо. – Да не уходи далеко! – напутствовал он меня напоследок.

Я вышел в коридор, где застал дворецкого, который, кряхтя, пытался встать на ноги. Подняв его и выслушав поток жалоб на беспокойных гостей, я отыскал неподалеку небольшой круглый холл с уютными креслами. Там и решил подождать дядю Ге. На душе было погано, сердце сдавливала ненависть к Вериллию. Хотелось прямо сейчас побежать и выполнить все свои клятвы. В холл вошли Грациус с Дживайном. Лица у обоих магов были мрачными. Молча опустились в соседние кресла.

– Где Дрианн? – спросил я у них.

– В храм Дадды побежал, – махнул рукой Грациус. – Как ни пытались его остановить – куда там!

Ну, конечно. Переживал за некромантку, оставленную на попечение отца Дарсана. Взять девушку с собой на штурм Счастливого местечка мы, понятное дело, не могли. В лагере за ней тоже следить было некому. Вот и оставили у жрецов. Вела она себя смиренно, никого не трогала, так что мы наложили на ее комнату все чары, на какие только были способны, и заперли некромантку на ключ, который вручили отцу Дарсану. Ни жрецы, ни повстанцы особой симпатии к девице не питали. Только один Дрианн постоянно испытывал потребность в общении с ней. Вот и сейчас не выдержал разлуки, отправился через весь город к своей новой подруге. Безрассудный поступок.

– Да не переживай, Рик, – усмехнулся Дживайн, – там сейчас не до него. А если кто и попытается Дрианна тронуть... видел, что от мародеров осталось?

В том-то и дело... а если моему беспокойному другу придет охота еще поразвлечься? Решив сделать магу при встрече строгий выговор за самовольную отлучку, я снова погрузился в свои мысли. Вырвал меня из них поднявшийся в доме переполох, виновником которого опять стал дядя Ге. Выйдя из комнаты герцога, он подозвал дворецкого. И тут началось: забегали слуги, на улице загрохотали колеса экипажа, вскоре по коридору быстро пробежал пухленький человечек с кипой бумаг и нырнул в спальню лорда Глейнора. Потом туда же забежали садовник и два лакея, парочка нотариусов в смешных париках, секретарь... Творилось что-то непонятное, в голосах суесящихся слуг звучала растерянность, мы молча переглядывались. И лишь дядюшка, вырвав бразды правления у перепуганного дворецкого, умело дирижировал всей этой свистопляской, раздавая указания и подгоняя дворню. Когда беготня прекратилась, а нотариусы отбыли восвояси, опекун жестом подозвал меня к себе.

– Иди, Рик, попрощайся, – вздохнул он. – Отходит герцог... тебя зовет.

Лорд Глейнор, увидев меня на пороге, сделал попытку приподняться на подушках. Но не сумел.

– Я... нашел тебя... – из последних сил прохрипел он, протягивая мне руку, – Изабелла... будет... счастлива...

Я стиснул его холодеющие пальцы и ощутил, как в мою ладонь легла какая-то маленькая вещица. Герцог хотел сказать что-то еще, но из его горла вырвался влажный кашель, губы окрасились кровью.

– Дживайн! – заорал я.

Маг вбежал в комнату и остановился поодаль от кровати, всем своим видом показывая, что он не может даже облегчить мучения раненого. Я держал руку умирающего и в каком-то тупом, яростном бессилии наблюдал, как жизнь покидает этого мужественного, могучего человека. Он боролся до последнего, цеплялся за остатки отмеренных ему мгновений и все

время что-то пытался мне сказать. А я не понимал, задери меня Хайнира! В мозгу билась одна навязчивая мысль: «Тем больше причин уничтожить Вериллия...»

Не знаю, сколько прошло времени. Возможно, какие-то секунды. Но они показались мне вечностью. Тело лорда Глейнора содрогнулось в последней агонии, и он замер. На окровавленных губах застыла слабая улыбка облегчения.

– Да примет Луг его душу в Счастливых долинах, – скорбно проговорил Дживайн, – да возродится он в добрые времена...

Я поклонился герцогу. Почему-то теперь я не сомневался в нашем родстве. Поклонился и закрыл его глаза. Синие, как небо Речного края. Синие, как глаза моей покойной матери. Синие, как сапфиры, украшающие золотой кружок, который герцог перед смертью вложил в мою ладонь.

– Да примет Луг твою душу в Счастливых долинах, – следом за Дживайном повторил я, касаясь прощальным поцелуем холодного лба. – Пусть твой путь будет спокойным. Я выполню клятву, дядя...

Я вышел за дверь, где меня встретили встревоженно-вопросительные взгляды Грациуса и пожилого дворецкого. Не имея сил говорить, я ответил кивком. Старик тихо заплакал, утирая слезы большим накрахмаленным платком. В спальню печальной вереницей потянулись слуги, чтобы попрощаться со своим господином. Видно, лорд Глейнор был справедливым и добрым хозяином – все искренне горевали по нему. Я вернулся обратно в холл и опустился в кресло. Душу когтила боль потери, хотелось побыть одному. Угадав мое желание, Грациус молча встал и, ободряюще коснувшись моего плеча, вышел. Я зачем-то с силой тер лицо, так, словно пытался стереть весь ужас этого дня. В голове засела одна мысль: почему, ну почему я не успел даже поговорить с герцогом? Тот случай, когда он был пьян, не в счет. Тогда он лишь поведал мне печальную историю своей сестры – моей матери. Это было важно, очень важно. Но ведь я мог узнать о нем и обо всей его семье гораздо больше! Почему потом не попытался побеседовать с ним еще? Просто так, о жизни. Обо всем. Теперь брат моей матери ушел из этого мира. А я даже не знаю, что он любил, а что ненавидел. О чем он думал, мечтал? Я мог бы услышать его воспоминания о покойной Изабелле, вместе посмеяться над их детскими проделками – ведь они были, обязательно были, все дети шалят! Мы вдвоем погоревали бы о маминной ранней смерти, выпили бы за спокойствие ее души. Стали бы друзьями... А теперь он там, с мамой. А я здесь. И ничего этого уже не будет... В глубине души я осознавал, что корю себя напрасно. Не было у нас времени для дружеских посиделок и неспешных бесед за стаканчиком вина. Слишком много надо было успеть, слишком велика была лежавшая на герцоге, да и на мне, ответственность. Но чувство вины, бессмысленное, нерациональное, и такое естественное для оставшегося в живых, продолжало сдавливать сердце. Следом пришла злоба – тяжелая, свинцовая, заставляющая сжимать кулаки и стискивать зубы. Пусть я не успел подружиться с этим сильным, великодушным, благородным человеком. Зато я выполню свое обещание. Уничтожу виновника всех этих кровавых событий. Странно, но я не осознавал в тот миг, что в отместку за смерть дяди собираюсь убить собственного отца. Да я даже в мыслях не мог назвать Вериллия Фламира своим отцом! От тяжких раздумий меня отвлекло тихое сопение. Обернувшись, я увидел, что рядом со мной сидит дядя Ге. Глаза моего опекуна блестели, на лице застыло скорбное, виноватое выражение.

– Ты прости меня, сынок, – тихо произнес он.

– За что? – удивился я.

– Да вот за то самое... не говорил я тебе, кто ты есть на самом деле... а сейчас думаю, может, напрасно?

Только тут до меня дошло, что герцог признал во мне сына Изабеллы именно после визита дяди Ге. Погруженный в свое горе, я даже не вспомнил о странном поведении старика. И вот теперь... Я спросил:

– А ты откуда узнал?

– Так я почитай с самого начала все выяснил. Помнишь, как я тебя из приюта забрал? Я кивнул. Еще бы мне не помнить! Этот день изменил всю мою жизнь.

– Так вот, я тогда искал себе ученика. Человек я одинокий, сам знаешь. Хотелось передать кому-нибудь свои знания. Ясное дело, высматривал парнишку, способного к магии. Ходил по комнате, значит, ходил. Были там дети с небольшими задатками. Я уж было выбрал одного шустрого мальца, ничего, думаю, разовью его малый талант в большой. А тут... Луг милосердный! На меня такой энергией повеяло! Я давай осматриваться, гляжу: а ты в угол забился и волчонком оттуда смотришь. А магия от тебя так и льется! Конечно, я тебя и забрал. Да... – дядя улыбнулся, – характерец у тебя был тот еще...

Несмотря на тяжесть в сердце, я ответил ему улыбкой. Старик выразился слишком мягко. Я был просто маленьким демоном. И одному Лугу известно, сколько сил, добра и сочувствия было потрачено, чтобы сделать из меня человека. Дядя Ге и сам этого не знает. Потому что не привык считать затраты и измерять отданное питомцу душевное тепло.

– Вот я и говорю, – посерьезнел мой опекун, – понял я, что ты очень талантлив. И зеркало будущего подтверждало: тебя ждет великая судьба. Попытался я тогда выяснить, кто твои родичи. Отправился снова в воспитательный дом. Спросил, мол, не было ли при тебе каких вещиц, безделушек. Знаешь, бывает, мать, не в силах навсегда расстаться со своим ребенком, оставляет при нем медальон или там колечко. Чтобы потом отыскать чадо по этой примете. Конечно, все это работнички воспитательных домов живо у детишек отбирают. Но я хорошие деньги предлагал. Тогда и выяснилось: привезли тебя из Лендсона, из приюта при храме Ат-таны. А приют тот сгорел. Но я не оставил попыток отыскать хоть какие-то зацепки. И отправился в Лендсон. Там у меня приятели живут, из темных. Подняли все свои связи, отыскали одну жрицу. Старенькая такая, но при памяти. Она мне и продала медальон-то.

Ну конечно, медальон! Эта круглая штука, которую перед смертью вручил мне лорд Глейнор. Я неосознанно так и продолжал сжимать его в руке. Раскрыв ладонь, я внимательно всмотрелся в украшение. Оно было плоским, сравнительно небольшим, величиной с золотую монету, с дужкой, в которую полагалось продевать цепочку.

– Цепь-то я так и не выкупил, – сокрушенно крикнул дядя Ге, – жрица сказала, потеряла ее, цепь-то. А может и продала, кто знает? Но главное, конечно, герб. Вот он, видишь?

В центре медальона было выгравировано изображение горного барса – прекрасного, благородного животного. Над головой гордого зверя возвышалась герцогская корона, украшенная сапфирами. Глаза хищника тоже были сделаны из этих синих камней. Внизу я разглядел выполненную крошечными буквами надпись: «Долг, честь, верность».

– Это девиз рода Марслейн, – пояснил дядя.

– Значит, ты показал медальон герцогу? – спросил я.

– Ну да, а он сразу его узнал. Говорит, сестрица его покойная, матушка твоя, носила его, не снимая. Это фамильная драгоценность.

Что ж, лорд Глейнор хотя бы умер успокоенный.

– Надо, наверное, кому-то отдать эту штуку? – неуверенно предположил я.

– Кому, сынок? У покойного прямых наследников нет. Ты – единственный его близкий родственник. Так что герб твой по праву.

Я горько усмехнулся. О каком праве толкует старик? Ведь бастардов даже усыновлять нельзя, не говоря уже о наследовании титула. Да это просто невозможно! Дядя Ге понял мою скептическую ухмылку.

– Зря улыбаешься, Рик. Сам знаешь, какие повороты делает судьба. Мало ли... А пока носи медальон. Он тебе от матушки достался. Цепочку я новую купил. На-ка вот, надевай.

– Скажи, а о моем... – я замялся, не в силах произнести это слово.

– Нет-нет, о Вериллии я ничего не знал, – перебил меня дядюшка, – эту тайну семейка Марслейн спрятала надежно.

– А почему не сказал мне раньше?

Задав этот вопрос, я тут же пожалел о сказанном: дядя Ге как-то ссутулился в своем кресле, сник, словно бы даже сделался меньше ростом. Лицо его побледнело, морщины стали глубже, уголки рта опустились. Он смотрел на меня виновато и беспомощно, и я вдруг осознал, что мой опекун уже немолод. Он будто постарел прямо на глазах.

– Я все считал – не время еще, – тихо произнес он, – а теперь вот, думаю, может, ошибался. Может, зря я молчал столько лет?

Я смотрел на дядюшку, на его крупные, все еще сильные руки, стиснувшие железную коробку так, словно от нее зависел мой ответ. На непривычно согнутые плечи, потухшие глаза... И внезапно ко мне пришло понимание: да ведь он просто переживал за меня! Потому и не стал открывать тайну моего происхождения. Что бы я мог сделать, узнав правду в детстве? Мог бы отправиться в дом лорда Глейнора. Скорее всего, брат моей матери поверил бы мне – да конечно, поверил бы, медальон-то вот он! Он принял бы меня. На правах кого? Закон безжалостен к детям греха. И что? Существовать приживалом в доме, где некогда жила моя мать? Нет, этого я бы не вынес. В Портовом квартале к этому относились проще. Конечно, я вынужден был носить одежду бастарда, но никто не смел надо мной смеяться. А желающие продемонстрировать презрение к незаконнорожденному быстро становились вежливыми, познакомившись с моим кулаком или парой простеньких заклятий. Нет, не место мне было среди чопорных аристократов. Даже герцог не сумел бы оградить меня от косых взглядов и оскорблений. Узнай же я историю Изабеллы, допустим, несколько месяцев назад, до всех своих приключений – непременно озлобился бы. Так что дядя Ге правильно сделал. А сейчас вот он сидит и покорно ждет моего приговора, такой несчастный, такой испуганный... Он и теперь боится за своего питомца. Так, словно я до сих пор неразумный мальчишка. И еще я понял: старика страшит одиночество. Ведь кроме меня у него никого нет. Так неужели я мог в чем-то его упрекнуть? Его, спасшего меня от участи бродяжки, воспитавшего, сделавшего маленького звереныша человеком?

– Ты все сделал правильно, дядя, – произнес я, стараясь вложить в слова все тепло и благодарность, на которые был способен. – Мою мать уже не вернешь. А отец у меня был и останется один – ты.

У меня на глазах происходило чудо: согбенный старик превращался в прежнего мужчину – немолодого, но сильного, веселого, уверенного в себе. Распрямились плечи, взгляд сделался блестящим, морщины подчеркивали уже не возраст, а улыбчивость.

– Вот! – дядя наконец открыл железную шкатулку, которую до этого сжимал в руках, и с гордостью продемонстрировал ее содержимое. – Узнаешь?

Коробка, покрытая засохшей землей и кое-где – ржавчиной, показалась мне знакомой. Ну, конечно! Ведь именно в нее я уложил двадцать пять паунсов, оставшихся от щедрого подарка Ридрига, после чего закопал богатство в огороде! Но здесь их явно больше. Кроме того, поверх золотых кружков лежали какие-то сложенные вчетверо бумаги и три капсулы из Солнечного камня.

– Да, – подтвердил дядя, – я твое золотишко нашел. Есть у меня одно такое заклинание... Чтобы не потерялось, сверху куст пиона посадил. А когда жрецы-то разгулялись, решил я на всякий случай все самое ценное спрятать. Положил туда еще двадцать пять монет – те, что ты мне перед отъездом подарил, кое-какие документы, пауроний, который сбить

не успел, ну и медальон, конечно. Вовремя спохватился. Через неделю меня арестовывать пришли.

На всякий случай! Нет, вы это слышали? Все же тот еще жук мой опекун. Все он заранее просчитал, я уверен.

– Куда теперь, сынок? – деловито спросил дядя Ге, вскакивая с кресла. – Надо бы уходить, а то сейчас наследнички налетят. Так всегда бывает: седьмая пена на зелье, а права свои предъявят. Да только... – Старик осекся и замолчал.

Я продел в ушко медальона цепь и повесил ее на шею, спрятав фамильное украшение под одеждой. На очередной недомолвке дядюшки заострять внимания не стал. Опекун мой всегда был себе на уме, его уже не переделать. В настоящий момент меня больше занимал заданный им вопрос. Действительно, куда отправиться? По идее, я должен быть в лагере повстанцев, раз уж согласился возглавить движение. Но меня беспокоил Дрианн, убежавший в храм Дадды. К тому же следовало еще как-то решить, что делать с его любимой некроманткой. По-моему отец Дарсан был не в восторге от присутствия мрачной девицы. Оставалось одно: «порадовать» бойцов своего отряда, забрав черноволосую в лагерь. Значит, решено – пусть все отправляются в лес Душегубов, а я загляну в храм. Только вот как идти – по верху, что ли? Уже опасно, город полон стражников. И где мастер Триммлер? Только я вспомнил о гноме, как он появился собственной персоной.

– Того, этого... – сын гор, смущаясь, незаметно для себя произносил любимую поговорку погибшего друга, – мои соболезнования, лейтенант.

От гнома пахло вином.

– С дворецким, значит, помянули герцога. Дед совсем расклеился, плачет...

– Скорблю вместе с вами, дорогой барон, – на моих коленях образовался Артфаал. – Прошу прощения, не мог явиться раньше. Варрнауш рвет и мечет! Мрак в ужасе.

– По дороге расскажете, – мысленно остановил я демона.

Мы вышли из дома, и я бросил прощальный взгляд на жилище отважного, честного человека, который мог бы стать моим другом. Улицу уже привели в порядок, тела погибших увезли. По дороге прохаживался наряд стражи.

– Колодец за углом, вон за теми домами, – сообщил мастер Триммлер, сверившись с картой.

– Морок? – деловито спросил Дживайн.

– Не стоит...

Я был зол и совершенно не желал бегать между особняками, скрываясь от кучки гореваяк, которые во время бунта боялись даже носы на улицу высунуть. Поэтому сотворил заклятие Воздушного удара и отправил его в стражей порядка. Этого хватило, чтобы швырнуть их об ограду ближайшего дома. Трое, потеряв сознание, сползли на землю, четвертый с воплями: – Демоны! Демоны! – со всех ног припустил прочь.

– Пошли.

Мы беспрепятственно пересекли улицу. Ее обитатели, из тех, что уцелели после нашего мародеров, носа наружу не высывали. Стража тоже не проявляла особой активности. То ли большая часть охранников дислоцировалась на площади Семи королей, то ли блюстители порядка вообще на этот самый порядок наплевали, предпочитая сбересть собственную шкуру. Дживайн спешно пробормотал заклятие, отталкивающее грязь, и мы спустились вниз. Мастер Триммлер бодро шагал впереди, указывая путь в свете сотворенного Грациусом огненного шара. Я замыкал шествие, беседуя с лордом Феррли, который сидел на моем плече.

– Темнейший князь в ярости. Не каждый день хозяин мрака терпит неудачу.

– Что вообще значило его появление, вы можете мне объяснить?

– В смутные времена демоны приходят к людям, чтобы одержать верх над богами. Это аксиома, барон.

– Почему именно в смутные времена?

– Ну, как же! Смута ведь в первую очередь воцаряется в сердцах и умах. Приятно верить в Луга и благодарить его за милость, когда все вокруг гладко и благополучно. Легко жить по законам милосердия, если в кошельке звенят монеты, а семья твоя процветает. И как греет душу осознание собственного благочестия, когда твой годовой доход позволяет без ущерба жертвовать на нужды храма, к примеру. Но вот когда приходит беда, люди изменяются. Теперь они вынуждены заботиться только о себе и своих близких. Им уже не до благотворительности. И возносить хвалу Лугу больше не хочется. За что? Ведь божество отвернулось от них. Так и случилось с Галатоном. Странная болезнь императора, разгорающаяся война в колониях, будоражащие слухи о готовящемся нападении со стороны эльфов, подстрекательство к бунтам. Это уже вызывает тревогу, не правда ли? Ну, а возрождение храмовой стражи, аресты и казни стали апофеозом смуты. Как думаете, барон, сколько людей отвернулось от Луга, считая, что Луг отвернулся от них? А ведь боги черпают жизнь и силу в человеческой вере. Когда же люди перестают возносить им молитвы, боги уходят. Наказанием безбожникам становятся все новые беды и несчастья.

– То есть, получается, что вся эта каша была заварена только для того, чтобы убить в людях веру в Луга? – спросил я, вспоминая слова Варрнауша. – Выходит, ваш князь сам все это и устроил?

В мыслеречи Артфаала прозвучали обиженные нотки:

– Знаете, барон, не стоит недооценивать людей! Станный обычай: во всем винить то демонов, то богов! Как говорится, Луг помогает тому, кто сам шагает. И еще: уродился кривым – не пеняй на повитуху! Кто мешал вашему этому Падерику отказаться от контракта с демоном? Так нет же, он мечтал о мировом господстве, не меньше! А если бы не нашлось в империи достаточного количества подонков, разве смог бы Верховный жрец возродить храмовую стражу и устроить такое грандиозное побоище? Нет, дражайший барон, Варрнауш в этой истории выступил лишь искусителем, как и положено приличному демону. У него, знаете ли, природа такая – пользоваться слабостью грешников. Ну, а когда контракт был заключен – темнейший князь получил власть над душой Падерика. Тут уж как водится.

Я размышлял над словами Артфаала. Прав он, конечно. Выходит, если вспомнить рассказ Дживайна с Грациусом, жрец, который всегда мечтал о карьере демонолога, тайком занимался темной магией. Но зачем он вызвал именно Варрнауша?

– Да не вызывал он его! – досадливо воскликнул лорд Феррли. – Падерик, конечно, убудок и недоучка, но не до такой степени. Он баловался обращением ко мраку. Пару раз ему это удалось, и на призыв откликнулись низшие. Поняв, кто перед ними, доложили темнейшему. Конечно, толстяка принялись обрабатывать. Сначала выполняли его мелкие желания: расправлялись с неугодными, вводили в грех юных дев, чтобы они отдавались Падерику. Ну, а потом, когда аппетиты жреца стали возрастать, ему явился Варрнауш. Вот и все. Рутинная работа, в сущности. Никто его насильно во мрак не тянул.

– Понятно. А зачем Варрнауш ему голову оторвал-то? Мог бы и дальше использовать.

– Мне не дано проникнуть в помыслы темнейшего. Могу только предположить. Очевидно, он решил, что Падерик недостаточно старался очернить имя Луга. Возможно, его не устроил результат всего этого безобразия. А скорее всего, просто наигрался, да и сломал надевшую марионетку.

– Тогда ради чего он все это затеял? – удивился я.

– Хаос, дорогой барон! Не тот, который древний бог, а тот, который банальный беспорядок. Все ради этого. Не думаю, что князь мрака всерьез собирался завоевать человечество. Это ведь не просто. Существует определенный порядок мироустройства, у каждого в нем

своя вотчина. И даже если уничтожить Луга, его место займет другое божество. Демоны ограничены в своих действиях и могут влиять на ваш мир лишь через людей. Но диссонанс Варрнауш внес, это бесспорно. Главный храм осквернен, прихожане в страхе. А сейчас еще и война жрецов начнется!

– С чего вы взяли?

– Да очень просто! Каждому Старшему жрецу захочется стать Верховным! Каждый начнет воевать за то, чтобы именно его бог занял место Луга.

Я пожал плечами. Только этого империи сейчас и не хватало!

– Ну, а почему тогда ваш князь недоволен? Казалось бы, создал такой бардак, что за десять лет не расхлебашь. Чего ему еще надо-то?

– Этого я и сам не понимаю, – задумчиво произнес Артфаал. – Но злой он, как... как демон злой, в общем. Может, вы ему не понравились?

– Он мне тоже как-то не очень симпатичен, – буркнул я.

– Лейтенант! – зычный голос гнома нарушил ход нашей мысленной беседы. – Тебе налево!

– Береги себя, сынок! – напутствовал дядя Ге.

Я попрощался с друзьями и свернул в узкое ответвление, ведущее к храму Дадды. Звук их шагов отдалялся, делался все тише, призрачнее и вскоре совсем истаял, затерявшись среди низких зловонных сводов. Я остался в компании лорда Феррли. Брел в темноте, которая нам совершенно не мешала, и переговаривался с демоном. Периодически из скользких стен просачивались призраки, под ногами кишели крысы, в общем, все как всегда. Я уже разучился удивляться красотам сточных каналов. А страха тем более не испытывал. Какой смысл?

– С Варрнаушем все понятно. Точнее, ничего не понятно. Вы мне лучше скажите: вам было что-нибудь известно о моем происхождении?

– Обижаете, барон! Я же ваш оберегающий, помните? Конечно, любезный мастер Генериус ввел меня в курс дела.

– Как оберегающий могли бы и меня известить, – скривился я.

– Договор с вашим опекуном исключал такую возможность.

Какие мы честные, правильные! Прямо не демон, а А'нхелли какой-то! Я уже раскрыл было рот, чтобы произнести какую-нибудь колкость, как вдруг остановился. В тоннеле что-то происходило. Или нет, готовилось произойти. Исчезли крысы, призраки поспешно прятали свои бесплотные тела. Наступила неестественная тишина. Я ощутил толчки. Не из-под земли, нет. Дрожало пространство. Или время. Не знаю. Мне показалось именно так. Следом нахлынула волна беспощадного животного ужаса. Я скосил глаза на Артфаала. Может быть, у меня просто расшалились нервы? Кот исчез, уступив место истинному облику демона. И этот демон был жутко напуган. Он весь сжался у меня на плече и оскалился навстречу неизвестности, как загнанный в угол зверь. Его уродливое тело сотрясалось от дрожи, из глотки вырывался истеричный визг вперемежку с рычанием. Что-то надвигалось на нас, неотвратимое, страшное, беспощадное. Что-то, против чего мы оба были бессильны. Это длилось лишь несколько мгновений. И слава богам, что не дольше. Иначе мы с лордом Феррли запросто могли бы лишиться рассудка. Потом наваждение рассеялось. Снова степенно поплыли призраки, под ногами засуетились нахальные крысы, вернулись скупые звуки подземного колодца: журчание воды, отдаленное эхо городской жизни – так, тень конского топота и грохота колес экипажа.

– Что это было? – пробормотал я.

– Не знаю! – Артфаал, снова вернувшись в привычный кошачий облик, нервно распушил клочковатую шерсть. – Давайте выбираться отсюда!

Оставшаяся часть путешествия к храму Дадды прошла спокойно. Я даже начал подозревать, что непонятное состояние ужаса вызвано нервным напряжением, в котором я пребывал вот уже много дней. Тут у любого сознание в трубочку свернется! И может быть, я поверил бы в то, что мне все примерещилось, да вот незадача: то же самое чувствовал лорд Феррли. А у демонов нервы куда крепче, чем у людей. Я ускорял и ускорял шаг, стремясь как можно быстрее оказаться на поверхности, в простом и понятном мире.

Люк, ведущий в подвал храма Дадды, был, конечно же, закрыт.

– Подождите здесь, барон, я позову кого-нибудь из жрецов, – предложил Артфаал.

Надо отдать демону должное, он действительно честно выполнял свои обязанности оберегающего. Ведь когда мы с ним ощутили... то, что ощутили, ничто не мешало ему исчезнуть, вернуться во мрак. Переждать опасность. Но нет, он остался. Кстати, и свой истинный вид, я думаю, принял только для того, чтобы удобнее было обороняться в случае нападения. На сердце потеплело от благодарности к этому зловредному, капризному и ехидному, но такому преданному существу.

– Поднимайтесь, но звать никого не нужно. Я сам...

Одобрительно мурлыкнув, лорд Феррли исчез. Я поднялся по железной лесенке. Какая разница, сквозь стены проходить или просачиваться через люк? Голова уперлась в холодный металл. Немного сосредоточиться, обрести уверенность в себе... готово! Вот они, стены храмового подвала, такие серые, холодные, но родные и замечательно уютные по сравнению с тоннелем. Артфаал сидел поблизости, меланхолично почесывая за ухом задней лапой.

– Куда теперь? – спросил он.

– Пойдемте сразу в комнату некромантки. Наверняка Дрианн там.

Меня охватило какое-то нездоровое любопытство. Хотелось появиться внезапно, взглянуть на парочку со стороны. Поэтому я сделал демону знак вести себя тише, хотя он и так всегда был абсолютно бесшумным. Вообще-то мое поведение не имело ни малейшего смысла. Дрианн и его подружка, как все некроманты, чуткие к эманациям жизни, должны были уловить мое появление чуть раньше, чем я войду в дверь. И тем не менее я руководствовался каким-то предчувствием, диктовавшим мне именно такие действия. Выбравшись из подвала, я взбежал по лестнице, кивками приветствуя попадавших по пути жрецов, и на цыпочках подкрался к комнате, в которой должна была находиться наша пленница. Толкнул дверь. Заперто. Там совершенно точно что-то происходило. Что-то жуткое, темное. И от этого энергия, переполнявшая комнату, просачивалась даже через дерево. Переглянувшись с Артафаалом, который восседал на моем плече, я сделал глубокий вдох и шагнул сквозь створку. Следом лениво просочился лорд Феррли. Увиденное заставило меня застыть на месте. Демон стыдливо прикрыл глаза лапами. На кровати, слившись в страстном поцелуе, переплетаясь, словно две змеи, лежали обнаженные Дрианн и некромантка. Красивые молодые тела блестели от пота, черные косы девушки расплелись и сияющим шелковым покрывалом свисали до самого пола. Но не эта картина ввела меня в состояние столбняка. Комната была наполнена огромной силой. На мгновение я вышел в астрал и увидел поднимающиеся над магами волны энергии. Два сияющих черных потока, сливаясь, образовывали под потолком бешено вращающуюся воронку. Вернувшись в свое тело, я ощутил, что меня медленно покидают силы. Ноги подкашивались, перед глазами замельтешили разноцветные точки. Энергия, образовавшаяся от слияния тел некромантов, вытягивала жизнь. И тем не менее, я не мог оторвать взгляда от охваченных страстью любовников, не мог не проникнуться мистическим величием этого зрелища. Это было чудовищно красиво. Омерзительно прекрасно. Да, именно так. Возмущенно хрюкнув, лорд Феррли вцепился когтями в мое плечо и, воспарив в воздух, потянул меня назад.

Выбравшись из комнаты, я перевел дух. Ничего себе! Фу ты... Казалось бы ничего особенного: парень с девушкой занимаются любовью. Не с мужиком же я Дрианна застал,

и не с козой! Порадоваться бы должен за друга. Но почему-то меня переполнило отвращение, словно я увидел нечто противоестественное. Между тем наши с демоном неловкие маневры, видно, заставили любовников оторваться друг от друга. Раздался щелчок отодвигаемого засова, следом голос Дрианна недовольно пригласил:

– Входи!

На сей раз в комнате не ощущалось ничего особенного. Дрианн уже натянул штаны, некромантка завернулась в одеяло. Оба взирали на меня с гордым вызовом и некоторой злостью. Ясное дело, помешал. Решив, что постельные предпочтения мага – его личное дело, и никто не вправе его судить, я постарался придать физиономии максимальную невозмутимость и произнес:

– Я пришел за вами.

Взгляд Дрианна принял вопросительное выражение.

– Да, за вами обоими, – пояснил я. – В лагерь пойдём. Сейчас мы все должны быть вместе.

Парень переглянулся со своей красавицей.

– Собирай ее, – кивнул я, поворачивая ключ в двери, чтобы выйти в коридор обычным способом.

– Лилла, – вдруг произнес мягкий, вкрадчивый грудной голос.

Я резко обернулся.

– Меня зовут Лилла, – повторила девица, уставившись на меня в упор черными, как сердце мрака, глазами.

Ну, надо же! Она еще и по-галатски абсолютно чисто говорит! Как целительна оказалась для нее любовь Дрианна!

– Отлично, Лилла, одевайся. И спускайтесь в подвал, – бросил я, в полном недоумении покидая комнату.

– Что вы об этом думаете, барон? – поинтересовался демон.

Я пожал плечами. А что тут думать?

– Это может сыграть нам на руку, – протянул Артфаал. – Девочка явно обладает серьезными познаниями в области некромантии. И есть шанс, что она поделится ими с юным графом Летаксом.

Стратегически это было верное предположение. То есть оно имело право на существование. Только вот я был не очень высокого мнения о душевных качествах южанки, зато умственные способности предполагал отличные. Может, все будет наоборот? Возможно, некромантка переспала с магом, чтобы втереться к нему в доверие? В любом случае выхода у меня не имелось. Дрианн с девицей не расстанется. Значит, придется забирать ее в лагерь. Там хоть под присмотром будет. Интересно, у некромантов бывают дети? Наверное, бывают. Как-то же они размножаются. А дети Дрианна и Лиллы будут некромантами? Некромантиками... Разозлившись на себя за дурацкие мысли, я отправился искать отца Дарсана, чтобы сообщить о нашем уходе, а заодно попросить у него теплую одежду для девчонки – зима скоро, а она в летнем костюме. Главный жрец обнаружился в трапезной. Он с аппетитом уписывал мясное рагу, запивая его кислым вином.

– Присоединяйся, сын мой, – радушно предложил Дарсан.

В животе заурчало – я почти сутки ничего не ел. Присев на лавку, я потянулся к блюду, распространявшему восхитительный аромат баранины и лука. Демон пристроился рядом, прямо на столе. Жрец пододвинул мне стакан с вином. За едой я рассказал о своем решении.

– Правильно, – одобрил Дарсан, – пусть девчонка с вами будет. Времена нынче неверные.

– В каком смысле? – не понял я.

– Думается мне, без войны жрецов не обойтись.

Я чуть не подавился: то же самое говорил сегодня лорд Феррли, но я, признаться, понадеялся, что демон сгущал краски.

– Мать Лаурита, – продолжал между тем Дарсан, – похоже, она желает, чтобы ее богиня стала главной. И готовится к войне.

К несчастью, во время этих слов я сделал большой глоток вина. И от смеха поперхнулся. Прокашлявшись, спросил:

– Кто за нее воевать будет? Армия шлюх? Каким способом? Они вас, простите, отец, залюбят до смерти, что ли?

Жрец усмехнулся:

– Вот, все так и хохочут, мол, это не серьезно. А вы напрасно веселитесь. Лаурита хитра и умна. Нет, воевать будут не шлюхи. Но на те деньги, которые они жертвуют храму, главная жрица покупает наемников. Вот так-то. Да еще Варелия спит и видит, чтобы Морриган стала верховной богиней. Словно мы орки какие-нибудь. Скоро начнется заварушка.

В самом деле, Лаурита, помнится, говорила, что она заодно с повстанцами только до тех пор, пока это выгодно ее храму. Правильно. Теперь Падерика нет, значит, сопротивление ей не нужно. Заденет ли война жрецов простых обывателей? И будет ли она на руку нам? Это следовало обсудить с дядей Ге и остальными магами. Я поспешно распрощался с Дарсаном, принял от его помощника теплый полушубок из овчины и отправился в подвал. Там меня уже ждали Дрианн с Лиллой. Я отдал девчонке одежину и первым спустился в люк. Артфаал сидел на моем плече, устремив в темноту светящиеся глаза и время от времени издавая жутковатые звуки, отпугивающие крыс.

Переход был быстрым и спокойным. Чего не скажешь о появлении на поверхности. Выбравшись из люка возле храма Брижитты, мы двинулись в лес. Дабы не производить лишний переполох, я трижды свистнул калиновкой, потом немного подождал и повторил свист еще раз. Это был условный сигнал. Кусты раздвинулись, и вскоре на тропу вышел Лютый. Он широко улыбался, но при виде Лиллы его лицо искривилось, словно парня внезапно затошнило.

– Ну, и зачем вы ее притащили? – осведомился он. – Решили, что как зомби наш отряд будет выглядеть симпатичнее?

– Носферату, – вдруг поправила некромантка.

– Что? – Ом не сразу понял, потом резким движением вскинул арбалет. – Ах, ты еще и издеваешься!

– Опустит! – Дрианн загородил девушку своим телом.

– Отойди, ты что, не понимаешь, она – зло!

Глаза мага быстро темнели, словно небо, в котором собираются грозные тучи. Руки взметнулись, готовые исполнить смертельный танец заклания.

– Я тоже зло. Ты и меня убьешь?

– Отставить! – гаркнул я. – Ом, опустить оружие! Дрианн, хватит накаляться!

Медленно, скрестив взгляды – зрачок в зрачок – парни расходились в стороны. Арбалет Лютого опустился, Дрианн положил руки Лилле на плечи. И жест этот был исполнен такой нежности и заботы, что Ома внезапно осенило.

– Так они что... это самое?

Лицо его выражало бесконечное отвращение, а губы были не в силах произнести, что именно «это самое». Не следует думать, что взрослый мужчина, выдавший виды капрал, вдруг повел себя подобно стыдливой девственнице. Просто у него, как и у меня, не укладывалось в голове, как можно прикоснуться к некромантке. Как бы вам объяснить? Ну, вот вы станете целовать гиену в ее зловонную пасть? Или может влюбиться в палача? То есть его кто-то тоже любит. Есть же у него жена, дети... Но на такое способна далеко не каждая женщина. Большинство испытывают к кату безотчетный ужас и брезгливость. А вампиршу,

которая только что напилась чужой крови, вам приятно будет ласкать? Я хочу сказать, для меня некромантка, питающаяся чужими жизнями, хуже вампира, палача и гиены. Я понимаю, конечно, что она мертвечину не ест. Но она пожирает чужие души. Поднимает мертвецов и отдает им приказы. Противно все это. Ну, да ведь Дрианн – сам некромант, у него теперь другая мораль и нравственность. Может, ему все это приятно? Даже наверняка приятно. Парень он взрослый. Так что с кем спать – с Лиллой, гиеной или палачом – решать ему. Лишь бы девица его вела себя прилично. В смысле – не пыталась колдовать.

– Пошли к дяде Ге, – сказал я Лютому, – разговор есть.

– Да уж, нам много чего надо обсудить, – пробурчал Ом, косясь на сверкающую глазами некромантку в объятиях Дрианна.

Старик обнаружился в одном из походных шатров, которые поставлял нам Стаад Торафсон. Бесконечно благодарный повстанцам за спасение своего единственного сына, торговец сделал нашу жизнь гораздо более приятной и уютной. Грациус с Дживайном хорошо потрудились над шатрами, делая их непродуваемыми, непромокаемыми и меняющими окраску. Сейчас, например, ткань походных жилищ имела рыже-серый цвет, сливаясь с палыми листьями и стволами деревьев. Летом шатры приобретут сочную травяную зелень, зимой – станут белоснежными. Вот дядюшка и устроился в одном из таких убежищ, подстелив муриновый плащ и разложив перед собой хлеб, козий сыр, головки красного сладкого лука, полоски вяленого мяса и водрузив в центре большой кувшин с вином.

– Слава Лугу, ты вернулся, сынок! – обрадовался он – Я уж заждался! Садитесь, перекусим, да наконец выпьем за встречу. В прошлый раз-то так и не вышло у нас.

Мы устроились по обе стороны от дяди Ге и приняли из его рук доверху наполненные кружки. Лорд Феррли с комфортом устроился на коленях своего дорогого друга.

– За встречу! – снова провозгласил мой опекун.

Выпили.

– Теперь за новообретенных родственников! – дядя тут же снова налил нам вина.

После такого тоста мне ничего не оставалось, кроме как в подробностях рассказать Ому историю своего появления на свет. Лютый тяжело задумался. Лицо его побледнело, крылья тонкого носа гневно раздувались. Мы с дядей молчали, понимая, что сейчас чувствует капрал. Мой рассказ всколыхнул в нем воспоминания о детстве, снова возродил застарелую ненависть к Вериллию. Да тут еще и такая новость: брат объявился! Спустя некоторое время Лютый глубоко вздохнул и сказал:

– Конечно, Вериллий – гнида та еще. И поганит все, к чему прикасается. Но одним искусством он овладел в совершенстве.

– Каким? – заинтересовался дядя Ге.

– Детей делать! – усмехнулся Ом.

– Вот за это и выпьем! – облегченно рассмеялся старик, наполняя кружки.

– Не получится, – обреченно сообщил я.

Из-за деревьев выскочила горбатая фигура Копыла. Подволакивая ногу, волшебник заспешил к нам. Его появление могло означать только одно: в городе снова произошло что-то, требующее нашего вмешательства.

– Опять все насмарку! – расстроился дядя.

– Приятного аппетита! – с ехидцей произнес Вадюс. – У меня несколько новостей. С какой начать?

– С хорошей для разнообразия, – попросил Лютый.

– Они все плохие, – хихикнул маг. – Итак, начнем. Только что я разговаривал с Паларией. То есть, с ее фантомом, конечно. Завтра принц Келдин принимает присягу регентства.

Да, действительно, новость была неважнецкая. Теперь вполне официально во главе страны будет стоять беспомощная кукла, управляемая Вериллием. А все зверства храмовой стражи спишутся на Ридрига.

– По этому случаю на площади Семи королей состоится всенародное гулянье, – продолжал Копыл, – и еще, первым своим указом Келдин дарует помилование бунтовщикам.

Разумно. Этот шаг явно предпринят для того, чтобы завоевать симпатии народа. Но почему Вадиус назвал эту новость плохой?

– Главным и единственным виновником бунта, мародерства и появления демона решено выставить вас, юноша, – Копыл ткнул в меня корявым пальцем. – Горожанам будет объявлено, что это вы, могущественный темный маг, вступили в заговор с демоном Варр-навушем, что повлекло за собой одержимость Верховного жреца. Вы подстрекали народ к бунту, взятию императорского дворца.

– А зачем мне это надо было объяснять? – скептически поинтересовался я.

– Конечно. Вы стремились к мировому господству. Да, и еще: храмовая стража распущена, вместо нее будет организована тайная канцелярия. Город наводнят шпионы, доносчики. Вас будет искать весь Виндор.

Дядя Ге и Лютый смотрели на меня: старик встревоженно, брат – сочувственно. Я ответил им успокаивающей усмешкой.

– Ничего нового, так ведь? К этому и шло. Или он меня, или я его.

– Но и это еще не все. – Копыл состроил унылую гримасу, отчего лицо его, сморщившись, приобрело плаксивое выражение.

– Чем порадуете? – ухмыльнулся Лютый. – На нас идет войной армия горных троллей или появились сведения, что завтра мир погибнет?

Но Вадиус не принял его иронии.

– Принцессу Дарианну сегодня ночью тайно вывезли из дворца, – сообщил он.

Вот это номер! Действительно, хуже не бывает. Дарианна – единственная угроза власти Вериллия. Пока она при памяти, конечно. Ридриг болен, возможно, даже умирает. Келдин – не регент, а раскрашенное недоразумение. Верховный не мог не понимать, что, случись переворот, бразды правления перейдут в крепкие ручки принцессы. И принял меры.

– Куда?

– Этого мы не знаем. Но можем предполагать. – Маг замолчал и принялся яростно тереть подбородок.

– Говори уже, не томи! – рыкнул мастер Триммлер, который подошел к нам и, бесцеремонно налив себе вина, присел, заинтересованно прислушиваясь к разговору.

– Дарианне удалось довольно долго изображать потерю памяти. Но потом, когда я сбежал, Вериллий, конечно, должен был понять, что сознание ее высочества в полном порядке, и принцесса просто ловко водит его за нос. Мы считаем, что он устроил Дарианне проверку. И убедился, что все это время его обманывали. Вот он и решил превратить ее высочество в безумицу... Задери его Хайнира! – злобно взвизгнул Копыл, заставив нас подскочить от неожиданности.

– Но зачем было вывозить девчонку? – спросил гном. – Мог бы и на месте ее покалечить, кого ему бояться?

– Верховный дважды не ошибается. Один раз он уже обжегся на мне, теперь собственным штанам не верит. Все маги Совета у него под подозрением. Палария в первую очередь. Она ведь единственная, кто остался в живых после вашего, юноша, выступления во дворе Счастливого местечка, – Вадиус изобразил нечто вроде реверанса в мою сторону. – Так вот. Он решил отрезать принцессу от всего мира. И в первую очередь от дворца, где еще осталось несколько сторонников императора. Мы с Паларией считаем, что Дарианна находится в секретных лабораториях магического университета.

– Погодите, – возмутился я, – так что же, вся профессура предана Вериллию?

– Нет-нет, – нервно хихикнул Копыл, – вы, молодой человек, не ведаете, что говорите!

Сразу видно, в университетах не обучались. Обычным профессорам и магистрам в секретные лаборатории доступ закрыт! Туда вхожи единицы: несколько магов Совета и ученые, работающие на имперских псов.

– А вы? Вы там были?

– Нет, – отрезал маг, – мне предлагали в свое время, но я нашел приемлемый повод для отказа, – он понизил голос до шепота. – Там творятся чудовищные вещи! Чудовищные!

Копыл плюхнулся рядом с мастером Триммлером и, невзирая на его бурные протесты, вырвал из рук стакан с вином и залпом его осушил.

– Бедная девочка! – как-то по-женски запричитал он. – Такое юное, прелестное дитя! Такая смелая, умная, решительная! Я ведь любил ее как дочь! Его величество благоволил ко мне, и я частенько бывал при дворе. Этими вот руками, – Вадиус потряс ладонями перед лицом гнома, – охранные амулеты ей изготавливал! Игрушки магические делал: обезьянку, кукол... эх... как все было чудесно, пока не появился этот выскочка.

– Так, лирика потом, – решительно оборвал я захмелевшего мага. – Сейчас о деле. Что с ней могут сотворить?

– То же, что и с Ридригом. Превратить в безвольное, потерявшее память и разум существо. Через пару лет она тихо скончается якобы от наследственной болезни.

– Кому из магов это поручат, вы можете предположить?

Вадиус вздохнул:

– Боюсь, сейчас все будет проще и страшнее. Вериллий не доверяет никому, сам же из-за обета не может причинять вред членам августейшей семьи. Скорее всего, он поместит принцессу в одну из экспериментальных комнат. И один Луг знает, что произойдет с девочкой дальше.

– И что? – не понял я.

– По слухам, в секретных лабораториях есть помещения, воздействующие на человека, – терпеливо пояснил маг, – никто, конечно, толком не знает, что именно там происходит. Но через трое суток пребывания в таких комнатах сознание людей необратимо изменяется.

– Значит, у нас нет времени, – спокойно произнес я. – Все надо сделать сегодня. Соберите совет.

Я был полон решимости спасти принцессу. И не только потому, что дал слово умирающему герцогу защитить августейшую фамилию. Не только из-за того, что Дарианна была нужна стране, потому что могла стать справедливой и умной правительницей. Когда я думал о девушке, на сердце становилось теплей, а как только представлял, как ее, беспомощную и перепуганную, подвергают какому-то чудовищному эксперименту, во мне поднималась мощная волна бешенства и злобы. Я должен был ее спасти, просто не мог иначе. Только вот как?

Вскоре к нашему шатру подтянулись Грациус с Дживайном, Александриус и неразлучная парочка – Дрианн со своей некроманткой. Тех магов, которые присоединились к нам после своего освобождения из Счастливого местечка, мы звать не стали. Они еще не прошли проверку. Все в походное жилище, конечно, не поместились, поэтому расположились у шатра прямо на земле, на муринковых плащах. Я вкратце обрисовал ситуацию.

– У кого есть соображения?

– Вадиус, вы знаете местоположение и устройство лабораторий? – спросил Грациус.

– Весьма приблизительно. То есть где находится вход в них – знаю. А вот что там дальше – нет.

– Можете нарисовать план? – Запасливый Дживайн вытащил из кармана кусок пергамента и магическое перо.

– Примерно так... – Копыл принялся усердно чертить рисунок.

– Может быть, подломить, как Счастливого местечко? – оживился Грациус.

– Не годится, – ответил его друг, вглядываясь в линии, появляющиеся под рукой Вадису, – слишком серьезная защита. Работники лаборатории наверняка получили распоряжения насчет попытки проникновения. Они просто убьют Дарианну, и мы ничего не успеем предпринять. А на нас спустят свору имперских псов и стражников. Кроме бессмысленной бойни ничего не добьемся.

– Снова поднять мятеж, – предложил Дрианн, – это отвлечет стражу и псов.

– Нет, – решительно произнес я, – это тоже не годится. Бунт сейчас не нужен.

В самом деле, зачем это бессмысленное кровопролитие? Если начнется серьезное восстание, его в один момент не остановишь. А смысла в этом – чуть. Я был уверен, что главная проблема – Вериллий Фламиер. Для переворота достаточно уничтожить его одного. Только вот я пока не мог придумать, как до него добраться. По рассказам Копыла, Верховный окружил свою драгоценную персону невероятным количеством охранников, которые просто-напросто служили живым щитом. И даже несмотря на это он почти не выезжал в город. Вериллий большую часть своего времени проводил в императорском дворце, даже Совет магов навещал крайне редко. И перемещался туда, скорее всего, через подземный ход. Вадису рассказывал, что в последнее время Верховный зачастил в университет – часами он просиживал в музее волшебства, библиотеке и лабораториях. Туда он тоже добирался каким-то одному ему известным хитрым способом. Я был уверен, что Совет магов, дворец и университет связаны между собой сетью подземных ходов. Может быть, попросить мастера Триммера, чтобы обратился к своим родственникам? Вдруг у кого-нибудь из них есть сведения об этих переходах? Но не сейчас... Отбросив эту мысль как несвоевременную, я сосредоточился на поиске способа спасения принцессы. Взять штурмом эти самые тайные лаборатории не удастся. На то они и тайные. Даже Копыл знает их устройство весьма приблизительно. И наверняка защищено все это дело мощнее, чем императорский дворец. Наша попытка проникнуть в университет привлечет внимание всех охранных служб. Оповещающие и блокирующие артефакты, антимагические амулеты, двери из паурониевой стали, ловушки, враждебные сущности, сильные маги и просто свора стражников. Конечно, мы все это преодолеем, но уйдет много времени, за которое с Дарианной может случиться все что угодно. Большой Темный щит на целый университет не накинешь, он ведь величиной с небольшой городок. Придет подкрепление. Значит, назад придется прорываться с боем. И неизвестно, получится ли это. А главное, сколько народу мы потеряем. Нет, вот если бы миновать все эти преграды, то в самой лаборатории я бы уж разобрался. Но как проникнуть туда без шума и драки? Наложить на охранников чары, чтобы пустили нас добровольно? Можно было бы. Но ведь ими командует маг из имперских псов, его просто так не заколдуешь. А даже если заколдую – то что? Попаду в здание университета. Тайные лаборатории мрак знает где, в каких подвалах. А там своя охрана, еще более мощная. Нет. Это не вариант. Если только маги не сойдут с ума и не впустят меня сами. Подкупить? Никто из вериллиевских подпевал не пойдет на такую сделку. Побоятся гнева Верховного.

Так я размышлял, пока остальные спорили, предлагая различные варианты решения проблемы и тут же разбивая их в пух и прах по причине заведомой невыполнимости.

– Тихо! – неожиданно для самого себя крикнул я.

Воцарилась тишина, в которой тонкой стружкой звенело почти осязаемое недоумение моих товарищей. Я же пытался ухватить промелькнувшую и спрятавшуюся мысль за скользкий хвост. Что-то такое... необычное... деньги... добровольно... Есть! Способ проникновения в лаборатории, одновременно простой и безумный, так ярко вспыхнул в моем сознании, что дядя Ге и Артфаал одновременно мысленно воскликнули:

– Нет!

– Послушайте, дорогой барон, ведь это же опасно! Я, как ваш оберегающий... – заторопился демон.

Его перебила мыслеречь Дрианна:

– Хотя бы позвольте мне пойти с вами, Рик!

После долгих обсуждений, споров и предложений, когда над лесом повисли крохотные зимние звезды, я обвел друзей взглядом и подытожил:

– Другого пути нет, и времени тоже. Давайте обговорим детали...

* * *

Боль, резкая, мучительная боль пронзила душу, эхом отозвалась в сердце, разлилась по телу, на миг остановила дыхание. Что-то случилось. Страшное, непоправимое. Она открыла глаза и долго лежала, приходя в себя, глядя на окно, за которым медленно вставал молочный предзимний рассвет. Произошла трагедия: Светозарная была в этом уверена. Ей даже не нужно было перебирать в уме предположения о том, что это. Вне всяких сомнений, беда поразила Тая. Она гнала от себя горе, мучительно желая надеяться, что любовник жив. Но предчувствия, инстинкты, вся мощь эльфийской интуиции вопили: это не так. Тай либо погиб, либо испытывает нестерпимую физическую боль. Лиа медленно встала с постели, ощущая себя древней старухой – разбитой, раздавленной. Держаться. Терпеть. Никто не должен видеть ее слабости. Старинное зеркало, великолепное произведение мастеров Аллирила, отразило прекрасное невозмутимое лицо, светлые, излучающие ровное сияние глаза. Несмотря на муку, разрывающую душу, внешне Светозарная выглядела спокойной и умиротворенной. Но этого было мало. Теперь следовало привести в порядок мысли и чувства, заставить сердце биться ровно, сковать душу холодом равнодушия. Иначе враги, которые, Лиа знала, окружают ее повсюду, сумеют понять, что одержали первую победу. Народ илльф обладает тончайшим чутьем. Принуждая себя дышать глубоко и равномерно, Кай'Велианир на мгновение прикрыла глаза. Все, она взяла себя в руки. Вот так. Теперь позвать служанку, которая расчешет и без того гладкие серебристые волосы, поможет облачиться в платье и предстать перед подданными во всем блеске молодости, красоты и непоколебимой уверенности в себе. Светозарная коснулась кончиками пальцев миниатюрной переливающейся сферы – уменьшенной копии связующего шара большого дворцового зала.

– Одеваться.

Сфера плавно взлетела в воздух в знак того, что приказание принято. Лиа прошла по комнате. Вдруг невидимая волна всепоглощающего ужаса, налетев, вывернула сознание, обручем стиснула мысли, выжала из глаз беспомощные слезы. Владычица, сжав тонкими пальцами виски, слабо вскрикнула и упала на колени. Первобытный страх сковал ум, передался телу, обездвижил руки и ноги. Это не имело ничего общего с утренним предчувствием. Это не было интуицией.

– Светозарная! – испугано воскликнула девушка-горничная, появляясь на пороге.

– Ступай, – онемевшими губами выговорила Кай'Велианир.

– Но...

– Ступай, – снова прошептала владычица, из последних сил борясь с обморочной дурнотой.

Дверь осторожно затворилась. Проваливаясь во тьму бесчувствия, Лиа с неотвратимой ясностью поняла: он возвращается, древний ужас Аллирила.

Она не знала, сколько времени длилось забытие. Придя в себя, лежала на полу, мучаясь сознанием собственного одиночества перед лицом надвигающейся беды и незнакомым ранее чувством острого страха. Ей не с кем было поделиться своей болью. Не на кого положиться. Ведь Светозарная должна быть невозмутима и безупречна, а честь – превыше

жизни... Нельзя показывать слабость, сомнение и неуверенность. Нельзя доверять никому. Сама того не замечая, Лиа усмехалась побледневшими губами. Как это странно и одновременно естественно: умри она сейчас – и ее тело лежало бы на полу еще долгие часы. Вышколенная служанка не посмеет ослушаться приказа госпожи, ни один из обитателей дворца не рискнет нарушить ее покой. У нее нет нежного мужа, который обеспокоился бы долгим отсутствием супруги, нет детей... а ведь дети любят мать горячо и беззаветно, просто потому что она – мать. Даже любовник куда-то исчез – скорее всего, навсегда. Что ж, значит, такова ее судьба. И она с честью пронесет свою власть до конца.

Пошатываясь от слабости, Светозарная встала и снова позвала служанку. Девушка не осмелилась спросить о самочувствии владычицы, молча помогла ей одеться, причесаться и неслышно вышла за дверь. Лиа достала из серебряного ларца диадему власти и возложила ее на голову. Вот так. Теперь в большой зал.

– Кай'Анатиир ко мне, – приказала она, поднимаясь к трону.

Хрупкая эльфийка тихой змейкой скользнула в зал, изящно поклонилась.

– Мы нашли это, Светозарная, – почтительно склонив гордую голову, протянула маленький ларец.

Какую-то секунду Лиа медлила, боясь узнать, что таит в себе серебряная коробочка. Потом откинула украшенную витиеватой чеканкой крышку. На зеленом бархате лежал перстень с крупным, обработанным алмазной огранкой куском горного хрусталя. Родовой знак Дома Хрустального дождя. Отражаясь в камне, дневной свет окружил перстень нежной, еле заметной радугой, которая поразила глаза Кай'Велианир так, словно перед ее лицом сверкнула молния. Она осторожно вынула украшение и сжала в ладони, уже заранее зная, кому оно принадлежит. Ей не нужны были никакие вопрошающие, чтобы понять – это перстень Тая. Она ощутила волну знакомой энергии. Сомнений быть не могло. Когда Лиа наконец заговорила, ее голос звучал ровно и бесстрастно:

– Где это нашли?

– Вот отчет вопрошающих, Светозарная. – Анати протянула перетянутый шелковой лентой свиток.

– Хорошо, я прочту его. Виновники нападения на мою карету найдены?

– Простите, Светозарная. Но мы ничего не смогли обнаружить.

На миг взгляды эльфиек встретились. Глядя в холодное большеглазое лицо, владычица испытывала странное желание взвизгнуть, затопать ногами, зайтись в безобразной истерике, подобно человеческой женщине из простонародья. Вместо этого она лишь кивнула, отпуская Анати, но позволила себе выразить недовольство одним быстрым взглядом. Что-то готовилось, она точно знала. Сначала это нелепое, обреченное на провал покушение, потом исчезновение Тая, его боль, передавшаяся ей сегодня. Перстень, с которым ее любовник никогда не расстался бы по собственной воле. И еще это, страшное, жуткое, то, чье имя Лиа боялась назвать даже в уме.

– Лей'Иллиолис, владыка Дома Алмазной росы, просит аудиенции, – почтительно доложил слуга.

Кай'Велианир едва не поморщилась: как не вовремя! Тем не менее, согласилась принять воина.

– Дом Алмазной росы приветствует тебя, Светозарная! Я пришел доложить, что все готово к нападению на Лесной край. Назначь день.

– Позже, – уронила она.

По договоренности с Вериллием стычка должна была состояться через десять дней. Прямолинейный воин был слишком нетерпелив в своем желании расквитаться с ненавистным людским племенем. Ничем не выказав своего разочарования, он согнулся в поклоне. Опять слишком низко. «Солдафон, – презрительно думала Лиа, глядя ему вслед, – так

боится за судьбу кампании, что даже забывает об этикете». Как только за Лей'Иллиолисом закрылась дверь, Светозарная тут же позабыла о его существовании. Она собралась было развернуть свиток, но передумала. Лучше уйти в свои покои. Там ее никто не потревожит, и ни один эльф не станет свидетелем ее боли, смятения и беспомощности.

Кай'Велианир медленно плыла по переходам своего великолепного светлого дворца, благосклонно кивая в ответ на поклоны подданных. Глядя на исполненные достоинства и грации движения, на ее безмятежное лицо, никто не заподозрил бы, что душа этой женщины воеет и задыхается от ужаса. Наконец оказавшись в опочивальне, она забилась в угол кровати и, мысленно прочтя молитву Брижитте, потянула за конец ленты, охватывавшей свиток. Потом погрузилась в чтение. Спустя полчаса слабая надежда, вопреки логике все еще теплившаяся в сердце, растаяла, как весенний лед на реке Галлиур. Отчет главы поисковой группы в мельчайших подробностях повествовал об обстоятельствах находки. Лучшие вопрошающие лесного государства обнаружили тонкий, прерывающийся энергетический след Элл'Ситайара и отправились по нему. Через сутки пути эманации исчезли, приведя магов в малонаселенную часть Аллирила, где начиналось гоблинское болото. Вопрошающие обследовали каждый дайм земли, каждое дерево, куст в радиусе майла. И нашли поляну, на первый взгляд ничем не отличающуюся от остального леса, посреди которой и лежал родовой знак Дома Хрустального дождя. Волшебники сумели почувствовать под густой пожелтевшей травой энергетику впитавшейся в нее крови. Дальнейшее обследование показало, что несколько дней назад на поляне происходила борьба, а кровь принадлежала двоим эльфам, одним из которых был Элл'Ситайар. Второго опознать вопрошающие не сумели. На этом месте следы оборвались. В своем отчете маг, возглавлявший группу, особо подчеркнул, что такое явление означает либо вмешательство чародея, стершего энергетику, либо смерть объекта поиска. «Скорее всего и то, и другое. На поляне его пытали, а сегодня утром... убили», – горько думала Лиа, дочитывая написанные замысловатым почерком слова, которые предательски расплывались перед глазами. Впервые в жизни она плакала. Тай, добрый, мягкий и такой преданный Тай! Неужели его нет в живых? Светозарной страстно хотелось надеяться, что это не так. Она пыталась убедить себя, что любовника могли похитить, взять в плен, спрятать. Но как тогда объяснить боль, пронзившую ее сегодня утром? А перстень? Тай никогда с ним не расставался... Владычица усилием воли остановила слезы и решительно встала. Если ее друг погиб, то это могло случиться лишь из-за нее. Злоумышленник хотел нанести ей рану, лишить единственного существа, которому Лиа могла доверять. Она вспомнила, как подозревала Тая в причастности к покушению, как в последние дни сторонилась его, не допускала до себя. А теперь его нет рядом... Вокруг нее захлестывается невидимая петля заговора. Нужно действовать. Но как? Все ее могущество оказалось бессильно. Система, которую она выстраивала долгие годы, сработала против нее. Стена отчуждения и подозрительности, воздвигнутая Светозарной между собой и подданными, отрезала всякую возможность довериться кому-либо. И тем не менее, даже в минуту отчаяния, Лиа продолжала думать об Аллириле. Если враг настолько безумен, что хочет лишить лес единственной заклинающей, необходимо как можно скорее подготовить себе замену. Но только тайно.

«Зачарованное королевство – мой Аллирил», – думала Лиа, выходя во внутренний двор. Под ногами поскрипывал первый снежок, деревья оделись в белоснежные шапки, из-под которых выглядывали пламенеющие листья. Племянница, в легкой беличьей шубке, покрасневшая от легкого мороза, уже ждала Светозарную на скамье.

В последнее время Мелли делала явные успехи. Она выучила наизусть все заклинания и произносила их с абсолютно точной интонацией. Но сегодня девушка была странно рассеянна, ее что-то угнетало. И это отразилось на занятиях. Мелли путалась в словах, сбивалась с ритма.

– Что с тобой? – не выдержав, спросила владычица, когда племянница в очередной раз споткнулась и замолчала.

Девушка подняла на Лию печальные глаза.

– Я могу задать вопрос, Светозарная?

– Спрашивай.

– Что с Элл'Ситайаром? Его найдут?

В ее взгляде горели такая сумасшедшая надежда, такая искренняя тревога, что владычица поняла без слов: Мелли беззаветно влюблена в друга своей тетки. Глядя на обращенное к ней прелестное личико, Лия вдруг подумала: «Моя молодость ушла». Она и сама не понимала, почему ее посетила такая мысль. Лицо человеческих женщин с возрастом покрывается сеткой безжалостных морщин, стан теряет гибкость, а походка становится тяжелой. А эльфийки до самой смерти остаются молодыми и прекрасными. Но почему же рядом с Мелли она чувствует себя старухой? Может быть, дело в глазах? Ее взгляд уже никогда не будет таким открытым, улыбка – такой искренней... Если быть совсем откровенной, они никогда и не были такими. Лия всю жизнь готовила себя к великому будущему и не могла позволить себе ни наивности, ни девичьей влюбленности. Аллирил всегда был для нее на первом месте. Но что ответить девочке? Ее нельзя расстраивать, сейчас для Мелли важнее всего – постигнуть тонкую науку заклинания Зеленого огня. Мягко улыбнувшись, владычица успокаивающе произнесла.

– Элл'Ситайар скоро вернется. Думаю, с ним все будет в порядке.

Девушка просияла. С этой минуты она смогла сосредоточиться и занималась охотно. Казалось, все идет хорошо, только вот... Кай'Велианир испытывала мучительные сомнения. Ведь обучение заклинающих отличалось от уроков магии тем, что закрепить полученные знания на практике было невозможно. Вот уже два поколения заклинающих не испытывали свои силы в настоящей битве. Но Лия твердо знала: у нее достанет мужества встретиться с Зеленым огнем и загнать его обратно в бездну. А вот сумеет ли племянница? Не дрогнет ли перед воплощенным ужасом народа илльф? Самым главным качеством для таких магов является смелость. Мелли же была слишком робка и нерешительна. С каждой минутой, с каждой секундой владычица укреплялась в убеждении: девушка слаба. Характером, душой, сознанием. Она была не готова. И скорее всего, подготовить ее было уже невозможно... Лия стояла перед трудным выбором. Объявить о том, что у нее нет наследницы, или продолжить обучение племянницы? Признать во всеуслышанье слабость Мелли значило застраховать себя от гибели. Потому что смерть нынешней правительницы могла обернуться трагедией для всего Аллирила. Если бы не одно но: Светозарная была почти уверена, что заговор организовала Сири. А свекрови, жаждавшей мести, была безразлична судьба лесного государства. В этом случае владычица ничего не выигрывала. Она лишь нанесла бы удар по душе Мелли, сделав ее еще слабее и уязвимее. Тогда девочка уже точно не сумела бы стать заклинающей. Лия решила продолжать обучать племянницу, надеясь, что в трудную минуту она сумеет проявить стойкость. В конце концов, Светозарная в первую очередь должна думать об интересах Аллирила, и уж потом о своей жизни. И она снова и снова заставляла девушку повторять древнюю, как мир, песню-заклинание. Показывала, исправляла, поддерживала, стараясь перелить в робкую душу свою силу и уверенность.

– На сегодня достаточно, – наконец произнесла она, – я довольна тобой.

Просияв, Мелли упорхнула, а владычица осталась одна на один со своими тяжелыми размышлениями, предчувствиями и горем. Влюбленность племянницы в Тая не вызвала в ней ревности. Такого чувства Лия не знала. Элл'Ситайар принадлежал лишь ей одной – живой или мертвый. Но как же резала сердце мысль о его гибели! Светозарная на мгновение прикрыла глаза: что с ней творится сегодня? Тоска, печаль – непозволительная роскошь в минуты опасности. Нужно отвлечься. А заодно продемонстрировать подданным свое

непоколебимое спокойствие. Она уже неделю не выезжала: днем обучала Мелли, а вечером уединялась в своей опочивальне, спрятавшись от всего мира. «Так больше не может продолжаться», – решила Лиа, направляясь ко входу во дворец.

– Приготовьте лошадей, я еду на верховую прогулку, – бросила она слуге, распахнувшему перед ней дверь.

Вскоре Светозарная уже ехала по лесу в сопровождении десятка телохранителей и любовалась своим Аллирилом так, словно видела его впервые. Всю свою жизнь она не уставала радоваться его красоте и поражаться неповторимости лесного государства. Здесь не было городов, сел, улиц. Лишь к центру леса жилища эльфов стояли несколько гуще. Дома были окружены деревьями, а площади представляли собой большие ровные поляны. Народ илльф умел жить в гармонии с природой.

Изящная лошадь серой масти медленно несла владычицу по широкой тропе. Конные прогулки были развлечением самых богатых и знатных обитателей Аллирила, поскольку содержание лошадей не оправдывало себя – густой и местами труднопроходимый лес не располагал к верховой езде. Большинство эльфов передвигались по нему пешком. Встретив на тропе владычицу, подданные почтительно сторонились, давая дорогу эскорту. Лиа мило стиво кивала в ответ на поклоны. Вдруг ее внимание привлекли испуганные крики, раздававшиеся из густого березняка. Охранники тут же окружили свою госпожу, закрыв ее своими телами.

– Вам лучше спешиться, Светозарная, – тревожно произнес Иль’Эллиус, владыка Дома Сапфириного неба и глава дворцовой охранной службы, который вызвался лично сопровождать Кай’Велианир на прогулку.

– Это лишнее, – мягко, но властно ответила Лиа, сотворив мощный щит, накрывший не только ее, но и телохранителей.

Владычица всегда считала эскорт из воинов лишь данью традиции. Она и сама могла достойно постоять за себя в любой ситуации. Она прислушалась: чуткий эльфийский слух, кроме криков о помощи, уловил какие-то незнакомые звуки. Скорее даже призраки звуков – что-то подобное змеиному шипению, еле слышному шороху травы, шелесту листьев. И тут на Светозарную снова обрушился безотчетный, звериный ужас. Он сковывал тело, опутывал душу паучьими тенетами, вкрадчивой дымкой заползал в сердце. То, что происходило в березняке, не имело никакого отношения ни к нападению на нее, ни к заговору, ни к пропаже Тая. Это исходило не от эльфов и не от людей. Оно вообще не было проявлением живых существ. Лиа поняла это мгновенно, безошибочно и очень остро. Вместе с этим осознанием она вдруг освободилась от страха. Никто из воинов не ощутил ничего, кроме закономерного беспокойства за владычицу.

– Нам нужно вернуться во дворец, Светозарная, – настойчиво повторял Иль’Эллиус.

Вместо ответа Лиа легко соскочила с лошади и решительно двинулась в ту сторону, откуда доносились крики.

Охранники тут же окружили ее, а их глава воскликнул:

– Это неразумно, Светозарная!

Владычица не обратила внимания на дерзость, продиктованную волнением за нее. Посмотрев воину прямо в глаза, она решительно произнесла:

– Там мои подданные.

Никто, кроме нее, не сможет помочь тем эльфам, что бы с ними ни происходило. Это Лиа знала абсолютно точно. Не она ли владычица, заклинающая лес? Настал час, когда ее таланты должны послужить народу илльф. Она двинулась вперед, мановением руки заставляя заросли расступаться. Трава ковром ложилась под ее ногами, деревья почтительно отводили ветви, дабы не задеть лесную владычицу, кусты отклонялись в сторону, почетным караулом замирая по обе стороны ее пути.

Светозарная в сопровождении охраны вышла на большую поляну. По краям ее стояло несколько скромных, но добротных домиков, в которых жили резчики по дереву и ткачи. Здесь и развернулась трагедия. Кричали женщины, прижимая к груди своих детей. Мужчины же пытались сражаться... с чем-то. Сначала Кай'Велианир показалось, что ожили пышные кусты тереники, которые во множестве росли между домами. Непонятные растения, топорщившиеся длинными колючками, стремительно перекатывались по поляне, нападая на эльфов и обвивая их плетями ветвей. Шипы впивались в тело, взрезая его и погружаясь все глубже, обагрываясь кровью, пробивая плоть и прорастая сквозь кожу и мышцы. Мужчины рубили их мечами, размахивали факелами, пытаясь поджечь эти кусты-убийцы, но ни сталь, ни огонь не в силах были их уничтожить. Они нападали снова и снова, и двое эльфов уже стали их жертвами – на заснеженной траве лежали бездыханные тела, изуродованные проросшими из глазниц ветвями. До Лиа донесся легкий шорох. Земля в пяти шагах от нее вспучилась, прорывая дерн, и из-под снега вытянулись две длинные извивающиеся ветви. Опираясь на землю, словно огромное уродливое насекомое, наружу вылез новый куст.

– Все назад! – повелительно крикнула Светозарная, сплетая мощное заклятие.

Повинуясь ее приказу, мужчины прыгнули в стороны.

– Назад, назад! Уходите с поляны! – повторяла Лиа.

Словно услышав ее и поняв, что будет происходить, существа-растения оставили в покое эльфов и устремились к владычице. Охранники рванулись, чтобы загородить ее, но Светозарная жестом приказала отойти назад. Лицо ее было спокойно, взгляд бестрепетен, движения точны и уверенны. Она подняла тонкие руки, направив ладони к земле, словно протестуя против чего-то. И ближайший куст покрылся тонкой изморозью. Дыхание ледяного ветра, срывающееся с ладоней владычицы, быстро сковывало уродливых тварей. Движения их замедлялись, становились неловкими. А холод делался все сильнее. Вот уже пробивающиеся из-под тонкого слоя снега желтые травинки превратились в кусочки зимнего хрусталя, землю поляны покрыл ровный слой льда, будто под ногами Лиа блестело замерзшее озеро. Хищные растения замерли, обрастая крепким ледяным покровом. А руки Светозарной все слали и слали мертвящий ветер. Вскоре посреди поляны застыли сияющие под солнцем бесформенные прозрачные глыбы, внутри которых покоились ставшие безопасными порождения загадочной волшбы. Поляна превратилась в царство льда и холода. В воздухе разливался еле слышный стеклянный звон, будто сталкивались в приветственном салюте дорогие бокалы. Владычица на мгновение опустила руки, затем с силой выбросила их вперед. Звон сделался оглушающим, и во все стороны брызнули осколки льда. Вместе с ним разбились и плотоядные растения. Лиа медленно повернулась и зашагала к тропе. Весь обратный путь она проделала молча. Охранники, восхищенные мастерством своей госпожи, не смели даже перешептываться. А в душе Светозарной царил холод, словно она волшбой оледенила сама себя. Из всех присутствующих на поляне она одна понимала, что произошло. В Аллирил явились предвестники Зеленого огня. И неизвестно, сколько их еще будет в лесу, неясно, какой облик они примут – куски безжалостной бездны. А самое страшное, что никто не в силах предсказать, когда и где появится сам бездушный бог. Это может случиться через неделю, день, час или секунду. А может через век. Но Зеленый огонь обязательно придет. И будет убивать ее народ.

Лиа прошла в свои покои и прилегла на кровать. Нужно отдохнуть, набраться сил. Но сон не шел, горькие мысли отравляли сознание. Как только Светозарная закрывала глаза, перед внутренним взором проходила печальная череда тех, кто никогда уже не будет рядом. Ани, Дан, тот мальчик с эльфийским лицом – ее внук. Тай... вспоминать о нем было горше всего. Может быть, потому что с отсутствием остальных она смирилась. Или они не были ей так уж дороги. А может, в ее сердце жила любовь к верному другу. Любовь, в которую она поверила слишком поздно... Под утро Кай'Велианир все же удалось забыться тревож-

ным, поверхностным сном. Но как только первые лучи туманного зимнего солнца коснулись верхушек деревьев и окрасили тонкую непроницаемую ткань штор в розоватый цвет, она открыла глаза, вновь обуреваемая болезненным предчувствием. Тай...

Лиа встала и подошла к окну. Отдернула занавесь и замерла, пораженная ужасом увиденного. «Нет, этого не может быть...», – шептали помертвевшие губы. «Это так», – отвечало сердце. «Это произошло», – вопила обливающаяся кровью душа.

Светозарная медленно, словно в дурном сне, пересекла комнату, взяла с кресла свой любимый горностаевый палантин, накинула на плечи прямо поверх кружевной длинной рубахи. С трудом понимая, что она делает, покинула опочивальню. Прошла по длинным переходам, спустилась по лестнице. Слуга распахнул перед ней дверь, владычица вышла в морозное утро и зашагала по внутреннему двору. По привычке Лиа старалась двигаться плавно и размеренно, тело само повторяло заученные движения: царственные кивки, гордый поворот головы. Она не замечала взглядов, в которых пряталось изумление. И даже если бы заметила, не сумела бы понять. Обитатели же дворца не осмеливались остановить ее, простоволосую, идущую босиком по снегу.

Вот оно, дерево, растущее под ее окном. Тот ясень, в который она обратила своего обезумевшего мужа. Тот ясень, который ненавистная Сири в день гибели сына окрашивала золотом. А рядом с ним, переплетаясь ветвями, словно руками, за ночь встал молодой тополь, выращенный чьей-то волшебной силой. Его листья, еще зеленые, только начинали сохнуть, гибкий ствол покачивался под порывами ветра. Лиа долго смотрела на юное деревце, не ощущая ни холода, ни страха. Ничего, кроме разрывающей боли... Потом, решившись, провела кончиками пальцев по гладкой коре, лаская тополь, глядя его, как глядят в минуты нежности щеку любимого. Обхватила ствол ладонями, уже заранее зная, что почувствует, и не желая подтверждения. Токи жизни, пронизывающие дерево, передались чутким рукам эльфийской волшебницы, прошептали ей свою печальную тайну. Лиа приблизила лицо к стволу, коснувшись его прощальным поцелуем. Этот тополь вырос из плоти и крови ее любовника, друга, единственного существа, которому она могла доверять – Элл'Ситайара.

* * *

Мы стояли перед воротами магического университета. Вернее, стояли Дик и Михал – парни из повстанческого отряда, я же висел у них на руках, изображая труп. Рядом переминался с ноги на ногу Грациус, по случаю операции расставшийся со своей роскошной шевелюрой и сделавшийся от этого неузнаваемым. Его обритый череп тускло поблескивал в свете масляных фонарей. Ночь была морозная и тихая. Улицы Магического квартала окутывал защитный туман, придававший пейзажу жутковатый и потусторонний вид. Прохожих не наблюдалось, в нынешние смутные времена горожане предпочитали сидеть по домам.

– Ну, с Лугом! – прошептал Дик и принялся трясти кованые ворота.

Из будки охраны появился заспанный мужичок и, глядя на нас сквозь прутья ограды, строго спросил:

– Вы чего хулиганите? Сейчас вот кликну магов, они на вас порчу напустят. Будете потом всю жизнь заикаться и животом маяться.

– Маги уже здесь, – самодовольно произнес Грациус, демонстрируя охраннику свою роскошную парадную мантию, – а ты, любезнейший, позови-ка мне Вериллия Фламира.

– Ко-ого? – издевательски протянул стражник. – А может тебе еще и Луга всеблагого? – потом, очевидно вспомнив разгром Главного храма, прибавил: – Не к ночи он будь помянут...

– Важное донесение его высокомагичеству, – настаивал Грациус.

– Ну где ж я тебе среди ночи Верховного возьму! – разозлился охранник. – Ступай в Совет магов, или не знаю, где он сейчас обретается!

– Мы это через весь город не потащим. – Грациус кивнул на мою беспомощно свисающую тушку. – Значит, вызови его! У тебя что, связующего амулета нет?

Пользуясь тем, что темнота скрывает мое лицо, я из-под прищуренных век рассматривал все, что происходило вокруг.

– Ну, ты даешь, друг! – расхохотался бдительный страж, – Да ты знаешь, сколько такая штука стоит? Откуда у меня?

– Ну, смотри! – голос мага стал вкрадчивым. – Когда узнают, что ты упустил опасного преступника, тебя по голове не погладят. Ты потом не просто животом маяться будешь, ты до самой смерти из нужника не вылезешь.

– А чего я? – Мужичок, сраженный непоколебимой уверенностью, звучавшей в голосе Грациуса, пошел на попятный. – Я человек маленький, пусть их магичества разбираются.

– Так позови сюда кого-нибудь! – рыкнул Михал.

– Ладно, ладно, – проворчал охранник и громко проорал: – Шуш, задержи тебя Хайнира! Хватит дрыхнуть! Иди сюда!

Из будки показался еще один доблестный страж – молодой парень, впереди которого неслась мощная струя перегара.

– Чего тебе? – недовольно поинтересовался он.

– Беги к их магичествам, пусть сюда идут. Скажи, мол, притащили какого-то преступника.

– Какие магичества за полночь? – удивился Шуш.

– Какие-какие! Дежурные, в той лаборатории, знаешь?

– Сам туда иди! – окрысился Шуш. – Жутко там.

– Поговори мне еще! Завтра старшему расскажу, как ты в карауле напился! А в лаборатории тебя и так не пустят. Там над наружной дверью штука такая висит, вроде рожка. В нее и скажи, что тебе нужно.

– Ладно. – Парень вмиг сделался покладистым и зашагал вглубь двора.

Вскоре он вернулся в сопровождении двух мужчин в серых мундирах имперских псов, поверх которых были накинута подбитые беличьим мехом мантии.

– Что вам угодно? – холодно осведомился молодой приземистый крепыш.

– Нам угодно получить вознаграждение за поимку опасного преступника по имени Рик-бастард, – приосанившись, ответил Грациус.

– Рик-бастард? – оторопело переспросил второй маг, худой белобрысый мужчина лет сорока.

– Именно! – Грациус широким жестом фокусника указал на мое уже начавшее подмерзать недвижимое тело.

– Не может быть! – воскликнул коренастый.

– Посмотрите сами.

Псы переглянулись. Белобрысый, отстегнув от пояса связку ключей, отпер ворота, оттянул тяжелую створку так, что образовалась небольшая щель, в которую он и выскользнул наружу. Его товарищ, сплетя боевое заклятие, прикрывал мага на случай, если незваные гости вздумают причинить ему вред. Но Грациус стоял смирно, демонстрируя полную расслабленность. Худощавый склонился надо мной. Наступил самый ответственный момент. Я вышел в астрал и покинул свое тело, затем, всмотревшись в переплетение разноцветных нитей, осторожно пережал жизненный канал. По возвращении назад меня, конечно, ожидали неприятные минуты, но что делать? Это был единственный способ имитировать собственную смерть. Я на всякий случай взмыл вверх, подальше от самого себя, чтобы присутствие

астрального тела невозможно было ощутить. Вдруг этот волшебник – большой специалист в области тонкой магии?

– Он мертв? – полувопросительно произнес белобрысый.

– Должно быть так, – небрежно уронил Грациус, – во всяком случае, я очень старался.

– А зачем на нем такое количество амулетов? – продолжал допрос маг.

– Я перестраховался. Не каждый же день приходится ловить такого опасного кайлара.

– И как вам это удалось?

– Так это... – вмешался Дик... – в трактире мы его заметили. Здесь, неподалеку. Сидел себе в углу один и старкой наливался.

– М-да... похоже, – маг повел острым носом, втягивая воздух..

Перед началом операции мастер Триммлер щедро окропил мою голову и одежду крепкой старкой, да еще и заставил рот прополоскать. Так что от меня несло, как от площади Семи королей в день народного гуляния.

– Так я и говорю, – подхватил Дик, – сидел он это... сидел, а дружок мой и говорит...

– Понятно, – нетерпеливо перебил маг, – что же было дальше?

– Он когда совсем пьяный стал, пошел я к его столу. Якобы мимо иду, на него не смотрю. А как за спиной оказался – шархнул по затылку бутылью, он и свалился. Тут и его магичество подоспел. – Дик кивнул в сторону Грациуса, который опять гордо приосанился.

– Я применил несколько боевых заклятий, – похвастался он. – Уверен, бастард мертв. Но на всякий случай мы занесли его ко мне домой и повесили на него все антимагические талисманы, которые там нашлись. Даже один блокирующий артефакт.

– Допустим, – хмыкнул худощавый, обследовав каждый из талисманов, – да, они действующие. Но зачем вы его добивали?

– Как это? – вытаращил глаза Грациус. – В приказе императора сказано: «Доставить живым или мертвым». Мы предпочли мертвым. Мало ли...

– Чем вы докажете, что это именно Рик-бастард?

– А вы глаза разуйте, – мягко посоветовал Грациус, – не видите разве, что парень в точности подходит под описание?

– Ну и что? Обычный простолюдин, – пренебрежительно фыркнул белобрысый.

– А это вы видите? – Грациус бесцеремонно расстегнул на мне рубаху и обнажил правое плечо, показывая татуировку черного ястреба, сжимавшего в лапах кривоватую букву «Б».

– Да. Действительно, оригинальный рисунок, такое ни с чем не спутаешь, – кивнул пес. – Хорошо, благодарю вас. Можете быть свободны.

– Сейчас прямо, – пробурчал Дик. – А где наша награда?

– Не обманешь! – подхватил Михал. – Нам полагается дом на Розе ветров, поместье и тысяча паунсов!

– И баронский титул, – напомнил Грациус. – Так что, дружище, зови Верховного!

– Да вы поймите, – заюлил худощавый, – я не могу так просто побеспокоить его высокомагичество посреди ночи! Тем более что он занят подготовкой к празднику!

– Ничего не знаем, – набычился Дик, – зови, и все тут!

– Давайте сделаем так, – предложил крепыш, все еще державший наготове заклятие, – вы сейчас отправляйтесь по домам, а завтра к вечеру возвращайтесь за наградой. Раньше не надо. Знаете ведь, с утра принц присягу принимает, потом – праздник. Верховному будет не до вас.

– А этого, – Михал грубо встряхнул мое многострадальное тело, – этого куда?

– А его оставьте нам. Не будете же вы по городу с трупом наперевес таскаться. Да вас первый же наряд стражи заберет в Счастливое местечко!

– А вы не обманете? – прищурился Грациус.

– А у вас выбора нет, – в тон ему ответил коренастый, угрожающе взмахивая руками.
– Подожди, Верниус, – миролюбиво проговорил белобрысый, – мы запишем имена

этих достойных людей и сообщим об их доблестном поступке его высокомагичесству.

Он вытащил из кармана огрызок пергамента, перо и тщательно записал названные ребятами вымышленные имена.

– Теперь оставляйте его нам и возвращайтесь в трактир, выпейте за удачу, – усмехнулся маг.

Изобразив вздох облегчения, Михал и Дик швырнули меня на каменные плиты, развернулись и не спеша зашагали прочь. Вслед за ними устремился и Грациус. Я изрядно устал болтаться в воздухе, поспешил освободить жизненный канал и вернулся в свое тело, отозвавшееся болью в ушибленном при падении плече. «Ну, погодите, друзья, – мстительно думал я, бороздя затылком камень университетского двора и изо всех сил притворяясь покойником, – дай Луг, вернусь целым, я на вас прострел напущу! Будете знать, как меня ронять!» Маги церемонились еще меньше моих товарищей и тащили меня за ноги. Имитировать мертвого здорово помогали способности изначального, проявившиеся с падением первого покрова. Тренируясь перед началом операции, я обнаружил, что могу на длительное время задерживать дыхание. Впрочем, сейчас-то этого не требовалось: маги были заняты содержательной беседой.

– Что делать будем? Сообщим Верховному? – спрашивал крепыш.

– Сообщим. Только утром, – невозмутимо отвечал худощавый.

– Почему?

– А ты что, хочешь, чтобы награда досталась этим простолюдинам и магу-недоучке?

– Нет. Но можно ведь сообщить сейчас.

– Думаю, не стоит. Иначе всю ночь придется объясняться с Вериллием и дознавателями Совета. Завтра всем будет некогда выяснять обстоятельства поимки бастарда. А потом можно и побеседовать. Во-первых, успеем придумать достоверную историю, во-вторых, подозреваю, что дознаватели не станут слишком усердствовать после праздника.

– Да уж, не до того им будет, – хихикнул Верниус. – А охранники?

– С ними я договарюсь. Пара паунсов каждому – и они чудесным образом потеряют память. Я еще и помогу заклятием.

– Хорошо. А куда мы сейчас денем труп?

– Думаю, лучше всего будет запереть в пятнадцатой лаборатории. Туда точно никто не заглянет.

– Нет, Хениус! Это безумие! Я даже подходить к ней боюсь!

– Ну, не ты же в ней ночевать будешь, – рассудительно заметил белобрысый.

– И все же ее опасно даже открывать! Сам знаешь, помещение еще не выдержало карантина. Там может случиться все что угодно.

Худой маг снова презрительно фыркнул и ничего не ответил. Между тем они подтащили меня к непрезентабельного вида покосившемуся сарайчику и внесли внутрь. Белобрысый прошептал длинное заклинание, которое я на всякий случай постарался запомнить, и в земляном полу открылся широкий квадратный ход. Вниз вели мраморные ступени. Здесь мучители решили, что стук моей головы по ступенькам вызовет эхо, которое могут слышать следящие артефакты. Исходя из этих соображений, один схватил меня подмышки, другой – за ноги. Путешествовать таким способом было гораздо приятнее. Только вот, к моему великому сожалению глаза открывать было нельзя. Тащили они меня долго, судя по тому, что периодически моя голова оказывалась то ниже ног, то выше – в тайных лабораториях имелось много лестниц.

– Пришли, – наконец устало проговорил белобрысый.

– Открывай сам, – запыхавшимся голосом ответил Верниус.

Его товарищ пробормотал заклинание, раздался тихий звук распахивающейся двери. Меня раскачали так, как грузчики в порту раскачивают во время выгрузки мешки со специями, и бесцеремонно забросили в комнату. Я больно ушибся и еле сдержался, чтобы не рассказать магам все, что я о них думаю. Так и лежал неподвижным кулем на ледяном полу, слушая, как захлопнулась дверь и в коридоре зазвучали удаляющиеся шаги и голоса волшебников. Когда звуки за дверью стихли, я открыл глаза и с любопытством оглядел небольшое помещение. Несмотря на отсутствие окон и каких-либо ламп, мне не пришлось прибегать к своей способности видеть в темноте. В лаборатории было светло. Мягкое свечение исходило от множества зеркал разных форм. Они были укреплены на стенах под различными углами друг к другу. С потолка свешивались зеркала на цепочках – квадратные, треугольные, плоские и выпуклые, искривленные. Пол тоже был покрыт ровным слоем амальгамы, отчего лежать на нем было холодно и неудобно. Зеркала отражались друг в друге, рождая новые отражения, заставляя пространство искажаться, дрожать, уходить вдаль, и у меня возникало ощущение, что я лежу посреди сияющей бесконечности. Приятного было мало, конечно. Но выхода не имелось. Руки и ноги все еще стягивали тугие путы, а амулеты Александриуса продолжали действовать. Поэтому я вознес молитву Лугу всеблагому, прося его, чтобы то неведомое, чего так страшились здешние маги, погодило с появлением. Вроде бы ничего особенного не происходило, если не считать каких-то неуловимых вибраций в воздухе, которые я чувствовал скорее интуитивно. Глаза сами собой закрывались, рот раздирала зевота. Сколько же времени я не спал? Двое суток, кажется...

Вы не поверите, но я уснул. Вот так вот, связанный, на ледяном полу, посреди жутковатой, полной загадочной угрозы тайной лаборатории. Разбудило меня осторожное прикосновение, легкое, как тополиный пух. Опасаясь, что это маги снова пришли проверить, не ожил ли злонамеренный бастард, я не стал раскрывать глаз. Попытался рассмотреть своего гостя из-под ресниц. Никого не увидел. Прикосновение повторилось, следом раздался тихий шепоток. Я раскрыл глаза, но даже зрение изначальных помогло увидеть только какие-то неясные тени, носившиеся вокруг меня. Они возникали из-под перекрестия зеркальных отражений и порхали по комнате, словно огромные птицы. Их становилось все больше. Лаборатория наполнялась их шепотом, таким тихим, что я никак не мог разобрать, о чем говорят эти потусторонние сущности. Одна из теней неподвижно висела рядом со мной, трогая меня бесплотной конечностью. Всякий раз после этого вкрадчивого призрачного прикосновения по коже пробегали мурашки. Желая понять, что за создания посетили лабораторию, я вышел в астрал и посмотрел на тени. Астральное зрение показало, что меня окружают сущности, форма тел которых похожа на человеческую. Ростом они были с пятилетнего ребенка. Больше я ничего разглядеть не смог. А вот ауры у них не имелось. Так, болталось что-то прозрачное, текло и изменялось, словно вода в чистой реке. Я вернулся в свое тело и тут же ощутил острую боль в левом плече. Повернув голову, увидел, что к нему припала тень, которая все норовила меня потрогать. Плечо саднило, словно его резали ножом, а сущность вдруг обрела формы и краски. Когда эта штука оторвалась от моего плеча, она уже не была бесформенным пятном. Передо мной стояла маленькая белокурая девочка в белом платье. Она улыбалась, прижав к груди пухлые ручонки и глядя на меня так, как умеют смотреть только маленькие дети – доверчиво, открыто и с каким-то затаенным ожиданием доброго чуда. Но девочка отличалась от человека, как выполненный пастелью портрет отличается от оригинала. Все в ней было слишком бледным, почти прозрачным. Девочка словно была промежуточной стадией между человеком и призраком. Скосив глаза, я увидел, что из прокушенного плеча стекает струйка крови. Выйдя в астрал, убедился, что у девочки появилась аура. Тонкая, бледная, она с каждой секундой все больше наливалась тревожным красным цветом. Из чего я мог сделать вывод: сущностям для жизни требуется чужая энергия. И берут они ее самым примитивным способом – напиваясь человеческой крови. Не знаю уж, как тень,

будучи почти бесплотной, умудрилась прокусить мою кожу. Раздумывать над этим вопросом я не стал и поспешил вернуться в тело. А ко мне тем временем устремились две новые тени. Я же чувствовал себя по-идиотски беспомощным перед этими оводами-переростками. Спас меня мелодичный звон, возвестивший, что время действия амулетов, блокирующих магические способности, вышло. Хитроумный Александриус зарядил их ровно на два часа. В тот же момент растаяли и зачарованные веревки. Я принялся растирать затекшие руки. Когда же тени попытались припасть к моему телу, я отбросил их Воздушным ударом и прикрылся плотным щитом. Тени разочарованно зашептались, ударяясь о невидимую поверхность – точь-в-точь ночные мотыльки, стремящиеся к свету. Девочка принялась ощупывать щит маленькими ладошками, пытаясь добраться до меня. Невинные глаза наполнились слезами, губки капризно дрожали. Опять проголодалась что ли? Я прислушался к ее шепоту.

– Мы хотим есть, – жалобно произнес тонкий детский голосок. – Дай нам есть...

– Ничем не могу помочь, милая! – Новое заклятие отшвырнуло девочку назад, и она исчезла в одном из зеркал.

Пребывание в зеркальной комнате начало меня раздражать. К тому же дало некоторое представление о здешних помещениях. Следовало как можно скорее разыскать Дарианну. Я швырнул вокруг себя еще несколько заклятий, вызвав у теней горестный стон, и принялся за работу. Разломил самый крупный амулет, выпиленный из куска дерева, и извлек оттуда капсулу из Солнечного камня. Даже если дверь лаборатории была сделана из паурониевой стали, она не могла выдержать напора чистого магического металла. Тем временем тени продолжали меня атаковать, и многим из них странным образом удавалось преодолеть сопротивление щита. Всякий раз, когда одна из тварей добиралась до меня, на моем теле появлялась новая ранка, а тень превращалась в ребенка, жалобно протягивающего ко мне ручки и просящего помощи. Это было похоже на нападение стаи хищных птиц, которые безжалостно расклевывали свою жертву. И вместе с тем, каждый раз, отшвыривая тварей, я ощущал что-то похожее на упрек совести – так доверчивы и прелестны были личики вампиров. Вот это и являлось самым мерзким – несоответствие милой внешности и чудовищной сути. Отбиваясь от них, я понимал, что долго не продержусь, и они просто растащат меня на куски. Что это были за сущности, я не знал. Но подозревал, что они созданы здесь, в лаборатории, с помощью зеркал и каких-то неведомых заклятий. То ли их вытащили из неизвестных миров, то ли сделали искусственно, но наверняка маги стремились получить оружие. Этим озабочены все службы безопасности крупных держав – созданием идеальных солдат, непобедимого оружия, поиском новых и новых способов убийства. А что? Прекрасно придумано: дети выглядят безобидно, вызывают сочувствие и желание помочь. Предположим, такая вот тень, напившись чьей-нибудь крови и приняв обличье трогательной малышки, отправится путешествовать по городу. Стучаться в дома, проситься переночевать. Кто откажет несчастному ребенку? А наутро, насытившись, дитя уйдет искать новую пищу, оставив за собой трупы хозяев. Если люди не обладают магическими способностями, у них нет шансов против этих тварей. Видно, что-то пошло не так, и волшебники, получив кровожадных сущностей, не сумели с ними справиться – разработать контрзаклинания или хоть какой-нибудь специальный щит. Уничтожить не пожелали – денег-то наверняка на свои исследования потратили много – закрыли лабораторию до лучших времен. Теперь мне предстояло решить: выбраться отсюда, не трогая тварей, или все же прекратить их существование. Ведь если я просто открою дверь, то тени последуют за мной. С одной стороны, они могли бы стать неплохим отвлекающим фактором. Вырвись они наружу – и магам было бы не до меня. С другой – вдруг сущностям удастся проникнуть за стены университета? Нам в городе только бесплотных вампиров для полного счастья не хватало! Решено, с ними надо расправиться. Стараясь не обращать внимания на болезненные укусы, я разнял капсулу из Солнечного камня и заклинанием Снежного вихря поднял часть порошка в воздух. Как на

«Шайани», когда на нас напало Дитя глубин. Но там у меня не было времени на отмеривание паурония, я его весь и использовал. Сейчас же решил, что четвертой части содержимого капсулы хватит за глаза. Конечно, можно было бы обойтись и еще меньшим количеством, но я старался действовать наверняка. Заклятие Молота Дадды было самым сильным из всех, что я мог использовать. Конечно, идеально было бы напитать его из источника мрака, но здесь это было невозможно из-за мощных артефактов, противостоящих темным силам. Итак, я отправил в разные стороны аж шесть Молотов и, окутавшись Черным коконом, рухнул на пол. Грянул гром – такой, словно прямо над моей головой началась гроза, следом раздался печальный звон осыпающихся осколков и прощальный стон вампирских детишек. Вжавшись в пол, я переждал все эти звуки, потом поднял голову, с которой посыпалась зеркальная крошка. Покореженная дверь висела на одной петле, тени исчезли, на месте амальгам зияли уродливые провалы. Сняв кокон, я вышел в длинный белый коридор, похожий на бесконечный туннель. Вокруг раздавался громкий вой оповещающих артефактов, среагировавших на устроенный мною погром. Куда идти? Множество переходов, дверей, холлов, коридоров – можно искать здесь Дарианну целую вечность. Попытался сориентироваться при помощи астральной проекции, представляя лицо девушки, но вся атмосфера подземелья была пронизана какими-то токами, эманациями, дрожью магических излучений. Мой фантом заблудился в этих пространственных явлениях и вернулся ни с чем. Я встал прямо за вырванной с мясом дверью, так, чтобы меня не видно было из коридора, и, заслонившись Воздушным щитом, принялся ждать появления работников лаборатории. Должны же были они услышать сигналы тревоги? Вскоре появились те же двое, что засунули вашего покорного слугу в вампирское обиталище.

– Какого... – начал было крепыш, но договорить не успел.

Выскочив из-за двери, я швырнул в коренастого заклиние Стального клинка. Конечно, парня украшали охранные амулеты, да и в стены наверняка были встроены хитроумные артефакты, гасящие чужую магию. Но против прямого удара с применением чистого паурония действенной защиты еще не придумали. Заклятие пробило грудную клетку мага, и тот свалился, заливая кровью девственно белый пол коридора. Белобрысый заслонился щитом и отправил в меня Огненную стрелу. Я успешно отразил нападение, но отвечать смертельным заклятием не стал: мне требовался проводник.

– Дернешься, и я уничтожу здесь все. – Я поднял над головой капсулу.

Хениус осторожно попятился, не сводя с меня внимательного взгляда и подняв перед собой руки с переливавшимся на кончиках пальцев огненным шаром.

– Давай договоримся, – тихо продолжал я, – ты проводишь меня к принцессе Дарианне, а потом выведешь нас наружу. За это я сохранию тебе жизнь.

– Тебе не выбраться! – злобно взвизгнул чародей. – У Верховного и других магов Совета уже сработало оповещение. А с минуты на минуту здесь будет отряд имперских псов.

– Значит, в твоих интересах действовать как можно быстрее. Или умрешь.

Для убедительности я раскрыл капсулу.

– Любое заклятие усилится в сотни раз. Ну, да ты и сам это знаешь. Так что, проводишь меня к принцессе?

Скрипнув зубами, белобрысый загасил огненный шар и махнул рукой, указывая на узкий стеклянный переход:

– Она там.

– Так веди.

Я медленно приблизился к Хениусу, взял его за плечо и с силой развернул спиной к себе.

– Я держу над твоей головой капсулу с пауронием, которого достаточно для уничтожения небольшой армии. А сейчас уже я сотворю огненный шар, и в случае чего... Намек понят?

Волшебник только тихо выругался и двинулся вперед. Прав он был, конечно, когда говорил, что далеко мне уйти не дадут. Как только мы преодолели стеклянный переход и зашагали по прямому, как стрела, коридору, в который выходило множество дверей, в стенах образовались ранее невидимые проемы, и оттуда нам наперерез шагнули люди в форме имперских псов, которые целились в меня из арбалетов. По моим прикидкам, отряд насчитывал около трех десятков воинов.

– Назад! – крикнул несчастный маг. – У него пауроний!

– Разнесу в клочки, – с милой улыбкой безумца подтвердил я.

Солдаты попятились.

– Далеко еще? – спросил я белобрысого.

– Прямо по коридору, пятая дверь налево.

– А за первой что?

– Лаборатория лечебного сна, – нервно ответил несчастный.

– Отлично. Открой ее.

Хениус прошептал заклинание, и дверь лаборатории мягко растворилась. Мельком взглянув на помещение, я увидел, что стены его были обиты мягкой тканью, а пол завален уютными подушками. Из-под потолка неслась тихая монотонная музыка.

– Солдаты! Слушай мою команду! По одному в лабораторию шагом марш! И без глушителей!

Воины нехотя повиновались. Когда они втиснулись в комнату, я скомандовал:

– Привал! – и уже спокойнее добавил. – Располагайтесь.

Усевшись на подушки, имперские псы тут же принялись зевать и клевать носами. Дольше всех держался воин с лейтенантскими нашивками, но и его в конце концов сморило.

– Закрывай, – приказал я белобрысому.

Тот принялся нашептывать заклинание, и дверь затворилась. Я заставил его подергать ручку и для верности еще наложить на нее заклятие Стальной паутины. Даже если солдаты и сумеют выбраться, запутаются в волшбе. Наконец мы достигли двери, за которой, по утверждению мага, находилась принцесса.

– Открывай.

Тот предпринял последнюю попытку увещевания:

– Пойми, это бесполезно. Тебе все равно не выбраться. Скоро сюда придут маги Совета и сам Верховный.

– И прежде чем они со мной разделаются, я расскажу, кто меня сюда впустил, – хмыкнул я, – а вот если выведешь нас, отделаешься Оглушающим заклятием. Возможно, сумеешь оправдаться.

Это убедило Хениуса, и он открыл дверь. Толкая его впереди себя, я вошел в лабораторию. Посреди абсолютно темной комнаты стоял низкий стол, на котором лежала Дарианна. Зрение изначальных пришло на помощь, и я огляделся. Девушка то ли была без сознания, то ли крепко спала. Я позвал ее по имени, но принцесса не откликнулась. Лицо Дарианны покрывала нездоровая бледность, а длинные ресницы беспокойно трепетали, как будто девушка пыталась раскрыть глаза, но не могла.

– Что с ней? – рыкнул я.

– Находится под действием чар, сводящих с ума, – поежился маг, который чувствовал себя в лаборатории неуютно.

Поначалу я ничего такого не ощущал, но спустя несколько секунд вдруг услышал странные звуки. Это было похоже на музыку, создать которую мог только совершенно безум-

ный композитор. Скрежет, стоны, тоскливые предсмертные вопли, потусторонние вздохи, наслаиваясь друг на друга, рождали совершенно невыносимую какофонию. Она звучала внутри, в моем сознании, пробуждая в нем тревогу, беспокойство и ужас, разрывая нити, связывающие разум с реальностью, унося душу в жуткий призрачный мир, не имеющий ничего общего с человеческим. Уродливые фантомы, возникая прямо в воздухе, устремлялись ко мне и проскальзывали сквозь тело, оставляя внутри ледяной скользкий страх. У меня появилось искушение соединить руки и устроить здесь веселенький такой тарарам. Я стиснул зубы, прогоняя самоубийственное желание. Маг тихо скулил, сотрясаясь от крупной дрожи.

– Ну, хватит, – встряхнувшись, решил я, – бери на руки принцессу и пошли отсюда.

Белобрысый, почти утративший человеческий облик, превратившийся в дрожащее беспомощное существо, послушно подошел к столу и поднял легкое тело девушки.

– Осторожно, – проворчал я, ногой подтолкнув его в коридор.

За дверью Хениус быстро пришел в себя.

– Куда теперь? – спросил я его.

Карта, нарисованная Копылом, не могла помочь, потому что на ней были изображены только верхние этажи тайных лабораторий, да и за их точность Вадиус не ручался. Мы же находились в подвальных помещениях, Луг знает на какой глубине. Так что вся надежда была только на мага. Он пошел вверх по лестнице, держа на руках бесчувственную Дарианну. Я неотступно следовал позади, держа над головой капсулу и полуготовое заклятие и молясь о том, чтобы успеть выйти, пока не собрались маги Совета.

По пути нам несколько раз встретились засады имперских псов, которые, поднявшись по сигналу артефактов, спешили ликвидировать вторжение. Но система оповещения работала отлично, полностью вводя охрану в курс дела, и никто из них не рискнул меня обезвредить. Ограничивались лишь попытками уговорить. Я под угрозой активации паурония запикивал их в многочисленные лаборатории и заставлял мага накладывать на двери запирающие заклинания. О том, что ждет нас на поверхности, я старался не думать. Ведь если маги Совета успеют окружить здание университета и заблокировать выходы, у меня не останется шансов. Вдруг Вериллий решит, что уничтожить лаборатории выгоднее, чем отпустить нас восвояси? А я подозревал, что именно это и придет в голову Верховному. Что тогда? Только направлять весь оставшийся у меня пауроний на людей, которые будут стоять на пути. И тогда не факт, что мы выживем – удар будет невероятной силы.

После того как мы долго поднимались по лестницам и миновали множество переходов, белобрысый, отдуваясь, произнес:

– Вон там выход.

– Ну, так вперед! – жизнерадостно ответил я.

– Но ты обещал...

– Все мое время.

Не мог я его пока отпустить, защищаться с Дарианной на руках было бы просто невозможно. Мы вышли в просторный холл, стены которого были облицованы красноватым мрамором. Повинуясь произнесенному Хениусом заклинанию, капитальная стена впереди отъехала в сторону, открывая неприглядные внутренности сарайчика, который маскировал вход в тайные лаборатории. Я напрягся. Здесь и должна была поджидать засада. Подойдя поближе и прижавшись к стене так, чтобы в меня не попали заклятия, я крикнул:

– Никаких чар! У меня пауроний!

Ответом было молчание. Минут пять я орал в безмолвное пространство, внимательно изучил темноту впереди, никого там не обнаружил, затем сотворил Воздушный щит, который благодаря тренировкам с Артфаалом умел выполнять ментально, без всякой подготовки и плетения заклинаний. Чары накрыли мага с принцессой на руках.

– Я иду первым, ты следом. И без глупостей!

Судя по физиономии белобрысого, на которой прочно поселилось выражение страха, глупостей последовать не должно было. Сделав глубокий вдох, как перед прыжком в ледяную воду, я шагнул за порог, в темноту сарая. Эти несколько шагов к свободе дались мне тяжело. Но ничего такого не последовало. Зато когда я вышел на улицу, встретившую меня морозцем и редкими сухими снежинками, падавшими с ночного мглистого неба, на меня навалился тупой животный ужас. Даже в том помещении, где содержали несчастную Дарианну, мне не было так жутко. Хениус подошел и встал рядом.

– Может, уже заберешь свою девицу? Все руки оттянула, – ворчливо пожаловался он.

Судя по всему, он не ощущал ничего, кроме вполне объяснимого страха перед пауронием и расправой Вериллия, узнай тот о роли подчиненного в похищении принцессы. Вскоре чувство безотчетного ужаса отпустило, я внимательно огляделся. Возле ворот происходило какое-то движение. Ага, маги Совета все же пожаловали! Охранники распахнули створки, и в университетский двор вбежали два тяжело дышавших, взмыленных юнца. Вид у них был не очень устрашающий. Скорее, они сами отчаянно трусили.

– Отойди от лаборатории и опусти руки! – проорал один, тыча в меня дрожащими пальцами и силясь сплести хоть что-нибудь приличное.

– Сейчас сюда придут маги Совета! – поддержал его второй, зажигая полудохлый огненный шарик.

– Да все вы только обещаете, – пробормотал я.

Стало даже немного обидно. Времени прошло предостаточно, могли бы уже организовать и более впечатляющую встречу! Послали каких-то практикантов. Откуда-то тянуло гарью, и я уловил далекий всполох мощного зарева. В городе явно происходило что-то мне неизвестное, более важное, нежели похищение Дарианны, как бы странно это ни звучало. И это самое событие потребовало присутствия сильнейших магов Виндора. Потому мне и не оказали положенных почестей. Но все могло перемениться в любую секунду. Вдруг чародеи, справившись с непредвиденными обстоятельствами, примчались бы в университет? Потому я, долго не думая, резко дернул кистью правой руки, отправляя в мальчишек огненный шар. Этого оказалось достаточно, чтобы маги шарахнулись в стороны, прикрываясь наспех сооруженными щитами. Пользуясь их замешательством, я аккуратно стукнул Хениуса Железным кулаком по темечку. Охнув, белобрысый маг медленно опустился на каменные плиты. Одной рукой перехватив Дарианну поперек спины, отчего она повисла у меня подмышкой, как сонный щенок, я мысленно активировал надежный щит. Потом, извинившись перед ее высочеством за столь грубое обращение, усадил ее, прислонив спиной к валявшемуся без сознания магу. Чтобы теплее было. Мальчишки тем временем швыряли в меня заклятие за заклятием, но волшебство их было до того бездарной, что улетала куда-то в стороны, ни разу даже не соприкоснувшись со щитом. Я пожал плечами. Возможно, дело было все в том же слабом образовании. Но существовало и другое объяснение: парни вовсе не желали причинять нам вред. В свете последних событий количество сторонников Вериллия и всего Совета резко уменьшалось. Я аккуратно закрыл капсулу и сунул ее в карман штанов. Потом сотворил Стальную паутину, напитал ее силой мрака. Благо, что во дворе не было артефактов, блокирующих работу с темным источником. Или были, но слабые. И в один миг спеленал практикантов так, что они и шевельнуться не могли. Да парни и не проявляли особого рвения. Двое уже знакомых мне охранников сжались у ворот, не зная, чего им ждать. Нападать они не собирались, уже поняв, что их сил явно будет недостаточно, если уж маги не справились. Я швырнул в них заклятие Воздушного удара, припечатавшее доблестных стражей к их будке и выбившее сознание из дубовых голов. Потом поднял на руки Дарианну и поспешил удалиться. Проходя мимо пыхтящих в паутине мальчишек, спросил:

– Что случилось-то?

– Не знаем, – вполне мирно ответил один из них, – всех работников Совета подняли по тревоге и отправили на площадь Семи королей. А нас – сюда, держать оборону до прихода подкрепления.

– Угу. Ну, удачи. Держите, – напутствовал я, направляясь к воротам.

Больше никто мне не препятствовал. С Дарианной на руках я добрался до уютного подвальчика, в котором раньше находилась мастерская Дживайна, пока ее хозяин не подался в бег. Там меня встретили мастер Триммлер, осторожно принявший на руки принцессу, и Копыл, который со слезами на глазах накрыл девушку шерстяным пледом.

– Все чисто, – заглядывая в подвал, доложил Грациус.

Мы пересекли улицу и по одному спустились в колодец.

– Дорогой барон! – из темноты на плече соткался лорд Феррли. – Как я рад, что ваше предприятие увенчалось успехом!

– Спасибо, – я постарался ментально выразить свое ответное счастье от лицемерия демона, – вы не знаете, что происходит на площади?

Мысли Артфаала заметались, беспомощно путаясь и выдавая периодические вспышки, в которых я узнал ужас.

– Не знаю, дорогой барон. Могу только сказать, что оттуда тянет чем-то очень страшным. Вы не чувствуете? Вот, опять началось...

Демон вздыбил шерсть и утробно взвыл. Я почувствовал, как волосы на затылке встают дыбом от прикосновения неведомой, необъяснимой, непонятной и оттого еще более пугающей жути.

* * *

Много дней пробыл Уран-гхор в плену у рыжей шаманки. Много он сражался, много чудищ убил в боях. Всякий раз, выпуская из души зверя, разрешая ему утолять жажду крови, побеждал молодой вождь. Но нелегко давались ему эти победы. Израненного, порой еле живого выносили его слуги шаманки с арены – так называлось это место. Потом ненавистная хозяйка залечивала его раны. Покрылось рубцами и нитями шрамов тело Уран-гхора. Но самые страшные следы остались в его душе. Жил орк лишь одной мечтой: избавиться от рабства и отомстить. Шаманке, ее прислужникам, всем людям. Только это стремление заставляло его сражаться снова и снова, стискивать зубы, терпеть боль, бороться со зверем внутри. Только это. И еще старик, который являлся в снах и грозил скрюченным пальцем: «Ступай за чумой, она поможет!»

Так проходил день за днем. И все они были похожи друг на друга. Однажды за Уран-гхором пришли слуги шаманки, завязали ему глаза и вывели из клетки. Знал молодой орк, что ведут его сражаться. И даже радовался этому, желая утолить злобу, что терзала его душу и разум.

Его привели на арену, сунули в руки меч и сдернули повязку. Привычно шумели люди, несли деньги проклятой рыжей шаманке. Дети в праздничных одеждах, радуясь, указывали пальчиками на мрачного орка, застывшего в середине круга. Спокойно стоял Уран-гхор, даря людям презрительные взгляды. Вдруг толпа громко загомонила, и на арену вытолкнули его противника. Нахмурился молодой вождь, крепко стиснул челюсти: напротив стоял, сжимая в руке меч, Сварг-гхор – его друг, товарищ по несчастью.

– Убей! Убей! – орала толпа.

– Нет! Нет! – мерно колотилось сердце.

Опустил руки Уран-гхор. И тут же почувствовал, как невидимая петля словно бы сжимает его горло. Рассерженная его нерешительностью, рыжая шаманка привстала на месте

и сжала длинные белые пальцы, призывая боль на голову раба. Захрипел гордый вождь, но не покорился.

– Дерись, зверь! – выкрикнула рыжая.

– Дерись! Дерись! – подхватила толпа.

И Сварг-гхор сказал:

– Давай же, дерись!

– Нет! – отвечал Уран-гхор.

Не мог он поднять руку на соплеменника, единственного своего товарища.

– Не упрямься, – говорил Сварг-гхор, – выхода все равно нет. Сражайся!

Была от нетерпения толпа, и в бешенстве потрясала кулаками рыжая шаманка. А Уран-гхор стоял, как скала, спокойно было лицо его, а сильные руки опущены.

– Сражайся, зверь! – кричали отовсюду.

– Прошу тебя, – повторял Сварг-гхор, – ты молод, ты можешь еще выжить здесь. Сражись со мной. Я уже не так силен и вынослив, и устал я быть рабом. Мне не жаль своей жизни, я уйду к духам предков, благословляя твой меч. Отпусти меня, друг.

– Нет, – упрямо отвечал Уран-гхор. – Драться с тобой я не стану. Я – орк, а не зверь.

Шумела толпа, как ураган в степи, ярилась шаманка, и тогда Сварг-гхор шагнул вперед, поднял меч, нападая на молодого вождя. Он не хотел убивать товарища, желал только спасти его, погибнув в этой схватке. Один мертвый лучше, чем двое!

– Защищайся!

Уран-гхор отшвырнул свой меч в сторону, руки на груди сложил:

– Не будет этого.

– Будь по-твоему, – ответил Сварг-гхор и тоже бросил оружие.

Вокруг взревели разочарованные люди, Уран-гхор поднял голову и оглядел толпу. Потом плюнул на песок. Жалкое трусливое племя...

В это время пожилой человек в белых одеждах пробрался мимо беснующихся людей к рыжей колдунье и прошептал ей на ухо:

– Ты обманула нас, Шанталь. Они не звери. Твои бойцы разумны! Ты нарушила правила проведения боев.

– Нет, их разум одурманен, – отвечала магесса.

– Тогда почему молодой отказывается сражаться?

– Он будет наказан.

– Какой мне от этого прок? Наказать следует того, кто лишил нас зрелища.

– Что ты хочешь этим сказать? – вызывающе прищурилась рыжая.

– Если он все же зверь, как ты утверждаешь, пусть сразится с моим бойцом.

Шанталь закусила губы, понимая, что ее собеседник замыслил подвох. Мэтр Телльри тоже занимался выведением зверей для боев. Между двумя магами давно уже существовало соперничество. Отказаться колдунья не могла, это было равносильно признанию в мошенничестве. Устав бойцовского театра требовал, чтобы на потеху публике сражались лишь животные. Это правило, введенное двести лет назад, преследовало весьма благородную цель – гуманизм. Но маги Паргании нашли оригинальный способ обойти устав. Они покупали пленных и с помощью зелий лишали их разума. А ведь всем известно, что неразумное существо есть животное. Заодно маги волшебной силой улучшали рабов: увеличивали их физическую силу, скорость движений, придавали им способность входить в боевой транс, даже изменяли внешность, делая ее более устрашающей. Это не запрещалось уставом. Но в чем же дело? Ведь она исправно поила орков варевом, одурманивающим сознание! Шанталь приняла решение: предпочтительнее потерять двух рабов, пусть даже самых лучших, чем прослыть нарушительницей устава. За это можно лишиться права участия в боях, а значит, и

основного дохода. Именно этого и добивался мэтр Телльри, звери которого часто проигрывали рабам колдуньи.

– Хорошо, – кивнула рыжая, одарив собеседника сладчайшей улыбкой, – если вы настаиваете, выводите своего бойца.

Не знал Уран-гхор, о чем говорят шаманы, но понимал: решается его судьба. Ждал, что рыжая накажет его болью или даже убьет за неповиновение. Он готовился принять смерть на глазах у всех этих визжащих людей, показать им, как умирают орки. Подбежали служители, схватили Сварг-гхора и потащили к выходу. Вдруг толпа замолчала. Тихо стало вокруг, и в этой тишине услышал вождь, как дрожит у него под ногами присыпанная песком земля. Кто-то шел к нему, кто-то огромный и могучий. Уран-гхор поднял меч и приготовился встретить нового врага. И тот появился. Десять человек вели его в цепях, и сами страшились невиданного зверя, который тяжело ступал по песку, глубоко вдавливая в него толстые, как деревья, лапы.

Много зверей победил в бою молодой вождь. Бился он и с существами, похожими на ящеров, и с тварями, подобными вулкоркам, и со скользкими червями. Но такого чудища не видел никогда. Был этот зверь похож на орка, но только выше в два раза. Передвигался он на задних лапах, в передних сжимая двуручный меч. Плоское лицо не выражало ничего, кроме жажды убийства. Маленькие налитые кровью глазки горели хищной злобой, из оскаленной пасти текла голодная слюна. Могучие, тяжелые мышцы перекатывались под толстой гладкой шкурой. Двуручник – грозное оружие – выглядел тростинкой в его лапище. Гигант держал его, как держит воин обычный одноручный меч. Служители освободили тварь от цепей и трусливо отпрянули назад, разбежались. Почувствовав свободу, существо закинуло голову, ударило себя в грудь и зашлось в угрожающем реве. Ответом ему был боевой клич Уран-гхора. Зверь разрывал разум молодого вождя, требовал схватки. И орк отпустил его, позволил сразиться с врагом. Злобным вулкорком ринулся Уран-гхор на чудище, бешенство застилало его глаза. Убить, доказать, что он здесь сильнейший! Убить, убить... Тварь торжественно взвыла и взмахнула огромным мечом. Лишь звериная быстрота спасла орка от сияющего клинка, просвистевшего в волоске от его головы. Он поднырнул под лапу, сжимавшую рукоять двуручника, и бросился к незащищенному телу врага, чтобы поразить его в грудь. Гигант отпрянул быстро, слишком быстро для такого тяжелого тела, и взмахнул левой лапой, отшвырнув молодого вождя, словно легкое перышко. Уран-гхор покатился по песку и вскочил на ноги. Когти существа оставили на плече глубокие раны, но орк не чувствовал боли. Ярость росла в нем, дурманила голову, заставляла кровь бурлить все сильнее. Снова прыгнул он к чудищу, не заботясь о защите, не думая об осторожности, как дикий зверь, сражающийся за свои охотничьи угодья, за лучшую самку, за право быть вожаком. Его лицо исказилось в волчьем оскале, на губах вскипала пена, разум исчез, уступив место желанию расправиться с врагом. Убить, пусть даже ценой собственной жизни.

Два зверя бились посреди арены, ревели, рвали плоть друг друга. И песок жадно поглощал капли их крови. Уран-гхор был гибче и быстрее, но уступал противнику в силе и росте. Недолго длилась схватка, и молодой вождь почувствовал, что начинает уставать. Раз за разом уворачивался он от грозного меча, раз за разом пытался добраться до горла или сердца врага. Но так и не смог нанести решающий удар. На руках и плечах гиганта зияли раны от меча молодого вождя, но ни одна из них не была глубокой. Слишком толстая шкура покрывала это могучее тело. Уран-гхор тоже был весь изранен когтями твари. Он потерял много крови, и движения его стали медленнее. Толпа вопила, предвкушая скорую расправу. Между тем рыжая колдунья, стараясь скрыть разочарование и злость от потери лучшего бойца, спросила, наклонившись к своему соседу:

– Откуда этот зверь, мэтр Телльри? Он мне кого-то напоминает, но я никак не могу понять...

– Это полукровка, прелестнейшая Шанталь, – усмехнулся маг, – мое секретное оружие. Не правда ли интересная идея – скрестить человеческую самку и горного тролля?

– Неужели такое возможно? – воскликнула магесса, от изумления позабыв о досаде.

– Современной магической науке доступно многое, – мягко отвечал мэтр Телльри, – Мне пришлось потратить на эксперимент пять лет, но я доволен результатом.

– Но что за женщина смогла выносить такого великана?

– Рабыня с Южного континента. Умерла, конечно. Плод пришлось вырезать из утробы. Потом выращивать его с помощью магии, видоизменять зельями. И вот теперь я обладатель непобедимого зверя.

– Это мы еще посмотрим, – сквозь зубы процедила Шанталь.

– Признайте свое поражение, очаровательная! – Мэтр Телльри поймал сжавшуюся в кулачок белую ручку и приложился к ней галантным поцелуем.

Рыжая колдунья в ответ только фыркнула. Но мысленно уже подсчитывала убытки. Очевидно было, что ее рабу не справиться с таким могучим бойцом. Шанталь дала себе слово, что сразу же после боя займется экспериментами. Она создаст нового зверя, еще более сильного, чем полукровка мэтра Телльри. Можно будет попробовать скрестить орочью самку и морского тролля...

Между тем слабел Уран-гхор, но зверь в нем продолжал рваться в бой. Он готов был умереть. И не было для него смерти слаще, чем в драке, сжимая зубы на горле врага. Снова кинулся на противника, нацелив острие меча ему в живот. И снова клинок лишь скользнул по толстой шкуре, оставляя на ней глубокую царапину. Лапа чудовища взметнулась, чтобы раздавить назойливое существо. Взлетел над головой Уран-гхора огромный кулак. Молодой вождь успел уклониться, и удар пришелся по плечу. Но и этого хватило, чтобы отшвырнуть орка на несколько шагов, выбить воздух из груди, не дать подняться. Издав победный рев, тварь двинулась к поверженному врагу, чтобы добить его, пронзить мечом, пригвоздить к земле. Обессиленный Уран-гхор силился подняться, но тело, измученное потерей крови, истомленное жестокой схваткой, не слушалось его.

– Убей! Убей! – орала толпа.

Мужчины победно потрясали кулаками, прелестные юные женщины в нарядных платьях, возбужденные видом крови, рукоплескали победителю:

– Убей!

Дети, подростки, почтенные матери и отцы семейств, убеленные сединами старики – все захлебывались восторженным криком:

– Убей!

Мэтр Телльри, захваченный зрелищем, уже подсчитывающий свой выигрыш, тоже присоединил голос к реву толпы:

– Убей!

Закусив губы, сжав руки так, что на ладонях оставались глубокие следы от ногтей, наблюдала за дракой Шанталь.

Сил не было, зверь ушел, исчез из разума, и Уран-гхор обреченно смотрел, как подходит к нему гигант, как заносит безжалостный меч. И вдруг... «Из двух зверей побеждает сильнейший. Но то звери... Ярость – плохой советчик. Ты орк, а не зверь. Встань и дерись за свою жизнь!» Не знал молодой вождь, кто это шепнул ему на ухо. То ли древний орк невидимым облаком пролетел мимо, то ли разум, освободившись от животной злобы, принял решение. Но только одного мига хватило Уран-гхору, чтобы, собрав последние силы, откатиться в сторону от разящего клинка и вскочить на ноги. Меч вонзился в песок, толпа ахнула, чудище огласило арену разочарованным воем. А молодой вождь заплясал вокруг него, словно юркая росомаха вокруг неповоротливого медведя. Понял он: сразить огромную тварь может только разумное существо. Хитрость, расчет – вот что нужно ему в этом бою. Они помогли ему

там, в родных степях Орочьего гнезда. Они и сейчас спасут. И разум отозвался с благодарностью, вдохнул новые силы в израненное тело. Руки и ноги налились упругой ловкостью, меч, словно жало, выискивал уязвимые места противника. Больше уже Уран-гхор не пытался поразить врага одним ударом, не рвался вцепиться ему в горло. Он кружил вокруг твари, злил ее все больше, делал обманные движения, и ждал, ждал, когда существо захлебнется ненавистью и злобой к неуловимому противнику, когда откроется для решающего удара. Черная, как болотная вода, кровь великана падала на песок, смешиваясь с пеной бешенства, стекавшей с его губ. Слепнув от гнева, гигант прыгнул на вездесущего орка, желая раздавить его своей тушей. Уран-гхор не стал уворачиваться, он клубком бросился под ноги твари и прокатился между ними. Пока существо разворачивалось, молодой вождь успел подрубить сухожилие на щиколотке левой ноги. Чудище рухнуло на одно колено, арена содрогнулась от крика боли и ярости. Беспорядочно размахивая мечом вокруг себя, тварь пыталась достать ненавистного врага. И снова Уран-гхор отскочил, перекатился, оказавшись лицом к лицу с гигантом. Увидев перед собой того, кто причинил ему боль, великан поднял меч. Но в глаза ему полетела горсть песка. На миг тварь ослепла, и орк воспользовался удачей. Он вонзил клинок прямо в горло врага и тут же отскочил, чтобы его не придавила сотрясавшаяся в предсмертной судороге туша.

Молчание повисло над ареной. Люди, только что радовавшиеся близкому поражению орка, не могли понять, как случилось, что обессиленный зверь одержал верх над таким могучим соперником. Только рыжая шаманка, счастливая исходом поединка, радостно улыбалась. А Уран-гхор, измученный, израненный, истекающий кровью, стоял посреди арены и обводил глазами молчаливое человеческое стадо. Он был горд своей победой. Он не только прикончил огромное чудовище, а сумел еще и обуздать зверя в своем разуме, окончательно подчинить его себе. И эта победа была так же важна. Потому что он – орк, а не зверь!

Разочарованный стон, зародившийся в теле толпы, становился все громче. Раздались нерешительные выкрики:

– Обман!

– Этого не может быть!

Вопли становились все громче, и вот уже многоголосый хор бушевал над окровавленным песком арены:

– Обман! Нечестный бой! Верните ставки!

Мэтр Телльри повернул к Шанталь обезображенное злобой лицо:

– Вы все же нарушили устав бойцовского театра. Ваш зверь разумен.

– Умейте проигрывать достойно, – холодно усмехнулась колдунья, жестом подзывая к себе слугу, державшего в руках мешок золота.

– Он победил благодаря хитрости! – взревел оскорбленный маг. – Животное не может мыслить стратегически! Оно вообще не может мыслить!

– Не говорите глупостей, мэтр. Вы видели документы, подтверждающие, что зверь прошел обработку дурманящим зельем.

– Верните деньги! Я поставил на этот бой целое состояние! И возместите мне ущерб от потери животного!

Вместо ответа Шанталь подняла руки и сделала изящное движение, вслед за которым стоящий на арене орк понуро сжался и позволил служителям надеть на него ошейник.

– Вы видели? – поклонилась магесса.

– Заклятие Подчиняющей петли еще не доказывает, что сознание зверя поработшено!

Оно лишь делает послушным тело.

Волшебница принялась пробираться к выходу сквозь недовольно ворчащую толпу.

– Верни деньги, звериная подстилка! – громко взвизгнул мэтр Телльри, и в ладони его загорелся пульсирующий зеленым светом шар.

Народ в ужасе шарахнулся в разные стороны. Шанталь резко обернулась, выбрасывая руки вперед. О ней действительно говорили всякое. Ходили сплетни, что рыжеволосая красавица не брезгует иной раз ласками своих подопытных зверей. Как всякая женщина, знающая за собой любимый грех и публично уличенная в нем, магесса пришла в ярость. С пальцев ее сорвался поток воздуха, закрутился спиралью, образовав тугую воронку, и устремился в сторону мэтра Телльри. По пути смерч втягивал в себя зазевавшихся людей, перемалывал их, наливался кровью. Маг выставил щит и ответил Шанталь целым пучком молний. Волшебница свела руки вместе, и в ее противника полетела струя воды, принявшая форму клинка. Народ вопил от страха, стараясь убежать как можно дальше от места магического сражения. На трибунах и лестницах, ведущих к выходу, образовалась давка. Люди сбивали друг друга с ног и наступали на упавших. Следом, споткнувшись о распростертые тела, падали другие. Толпа превратилась в обезумевшее стадо, в котором каждый стремился спасти только свою жизнь. Мужчины и женщины, дети и старики дрались за право выхода, отталкивали друг друга. Слабые визжали в предсмертной муке, задавленные более сильными и удачливыми. А над их головами свистели боевые заклятия, проносились молнии и ледяные стрелы, прямо из воздуха рождались тараны и ядовитые облака. Маги уворачивались, ставили щиты, и волшба разила невиновных. Остальные волшебники, которых среди любителей звериных боев было немало, хранили нейтралитет, памятуя известную парганскую мудрость: «двое колдуют, третий – не мешай». Они лишь загородились щитами и с помощью жестоких заклятий пробивали себе дорогу сквозь обезумевшую толпу.

Уран-гхор смотрел на дерущихся шаманов, усмехаясь страху толпы, что недавно требовала его смерти. Жалкие, слабые, трусливые твари! Жихи поганые! Пусть хоть раз почувствуют себя в его шкуре! Пусть узнают, что значит умирать. Они радовались его крови – теперь он посмотрит, что течет в их жилах! Служители, которые должны были увести его с арены, разбежались. И молодой вождь в одиночестве стоял посреди присыпанного песком круга, превратившись из бойца в зрителя. Рыжая шаманка была сильна, она метала в своего врага огонь и воду, вздымала вокруг вихри, рассыпала острые ледяные иглы. Но старый шаман стоял, словно утес, загородившись неведомой волшбой. Уран-гхор нахмурился. Откуда у людей – сорного племени – такие могучие шаманы? Почему у орков таких нет? Вспомнил он свое племя. Акхир, Гурдын – совсем слабые, ничего не могут. Только и знают, что про закон Морриган толковать. И все орочьи шаманы такие. С духами предков говорят? Чувствовал молодой вождь – обман все это. Не видят они никаких духов, морочат голову народу. Разве хоть раз шаман больного вылечил? Умиравшего вернул к жизни? Разве помогали шаманы, когда Уран-гхор с племенем Дер-ориг воевал? Нет. Никогда не творили они огонь, вылетающий прямо из пальцев или смертоносные вихри. И зелий не варили – ни целебных, ни убивающих. В сказках говорится, раньше шаманы Орочьего гнезда были могущественными, как нордары, одним движением руки останавливали войска, одним словом землю сотрясали. Да только это лишь легенды Диких степей. Или может есть в этих сказках правда? Только куда потом ушло древнее знание?

Кричали женщины и дети, стонали умирающие, кровь окрасила багрецом каменные ступени. Смеялся Уран-гхор, глядя, как гибнут ненавистные люди. Вот рыжая шаманка швырнула облако огня, старик загородился от него стеной воды. Горячий пар рванулся в сторону, обжигая людей, превращая лица в пузырящиеся маски... А шаман визгливо выкрикнул короткую фразу, и длинная синяя стрела слетела с его руки, пробила защиту рыжей, пронзила проклятое подлое сердце. Словно подрубленная стройная береза упала шаманка. И в этот миг лопнуло что-то в душе молодого вождя. Отпустила петля, сковывающая разум, подчиняющая чужой злой воле. Со смертью шаманки погибла и ее волшба! Уран-гхор оглянулся, подхватил с песка меч, брошенный сбежавшими служителями. И ринулся в толпу, которая давилась у выхода. Не разбирая, врубился он в людскую стену, прокладывая себе

кровавый путь к свободе. Падали вокруг порубленные тела, без устали вздымался меч, и по просеке смерти выбрался молодой вождь на волю, вдохнул холодный воздух, осмотрелся. Огромен был дом, где проходили бои. Возле него суетились люди. Одни бежали прочь без оглядки, другие оседлывали коней, вскакивали в повозки и уносились в них по широкой ровной дороге. Никто не остановил Уран-гхора, все спасали свою шкуру. Где Сварг-гхор? Неужели слуги шаманки успели увезти его обратно, туда, в подземелье с клетками? Вдруг дверь одной из повозок распахнулась, и наружу вывалились двое людей. Мертвые. У каждого было перерезано горло. Следом выскочил Сварг-гхор, сжимая в руках меч. Обрубил упряжь, вскочил на одного коня, другого за гриву ухватил.

– Сюда! – крикнул.

Уран-гхор птицей взлетел на спину перепуганного жеребца. Сдавил бока ногами, громко свистнул, посылая коня вперед. И понеслись по дороге два всадника, безжалостно давя убежавших людей. На свободу, которую получили такой дорогой ценой.

* * *

Выбравшись из сточного канала, мы сразу же отправились в храм Брижитты. Следовало спрятать Дарианну и обеспечить ей хороший уход.

– Богиня лесолюбивая! – всплеснула руками мать Перетея, Старшая жрица. – Это же наша принцесса!

Больше она ничего не говорила и не спрашивала. Подобрал подол жреческого одеяния, побежала вверх по ступеням храма, на ходу отдавая распоряжения своим помощницам. В считанные секунды для Дарианны была подготовлена комнатка, вход в которую прятался за алтарем. В маленьком опрятном помещении имелось все необходимое для ухода за больной: теплая постель, чистая вода для умывания, столик, на котором стояли свежие отвары из лечебной травы. Мастер Триммлер внес бесчувственную девушку в комнату и положил на кровать.

– Ступайте, нечего вам здесь делать, – махнул рукой Копыл. – Я осмотрю ее высочество, потом сообщу, каково ее состояние.

Мы вышли во двор, поставив в храме двоих часовых. Мать Перетея осталась помогать Вадиусу. Чем мне нравилась Старшая жрица, так это искренней, ненавязчивой готовностью помочь всем и каждому. Она не требовала от прихожан больших пожертвований, не обладала высокомерием, свойственным людям ее статуса, не питала честолюбивых надежд сделать свою богиню главной в имперском пантеоне. Эта женщина просто делала то, что считала нужным и правильным. Главное место в щедром сердце матери Перетеи занимало зверье. Болела ли у бедного крестьянина единственная коза или хворала любимая собачка у аристократки – жрица никому не отказывала в помощи. Она обладала огромными познаниями и опытом в деле лечения животных, здесь ей вряд ли нашлись бы равные даже среди целителей. Мать Перетея варила удивительные зелья, восстанавливающие зрение, снимающие боли и заживляющие раны, залечивала переломы, вправляла вывихнутые лапы, принимала роды. Она готова была не спать ночь, сидя возле телящейся коровы или ехать за десятки миль в какую-нибудь глухую деревеньку, где случился падеж скота. Но этого деятельной женщине было мало. Она занималась исцелением не только домашних, но и диких животных. И вот что удивительно: звери шли к ней сами. То ли дело было в том, что они чувствовали в матери Перетее искреннюю любовь и заботу, то ли их направляла покровительница Брижитта. Но нередко случалось наблюдать интересные картины. Один раз я видел, как из леса вышел раненый медведь и, усевшись перед входом в храм, издал трубный глас, способный напугать любого здорового мужика. Жрица выбежала на улицу и, не испытывая ни малейшего страха перед косолапым гигантом, осмотрела раненый бок, заглянула в уши,

глаза, помяла живот. Потом, бесцеремонно ухватив за загривок, потащила в храм. Огромный зверь шел рядом с ней, как дамская собачка за хозяйкой. Несколько дней перебинтованный медведь жил в храмовом дворе, наводя ужас на прихожан. Когда стараниями матери Перетеи его рана затянулась, жрица отвела его в лес, отыскала подходящую берлогу и с помощью молитвы Брижитте погрузила зверя в зимнюю спячку. Двор и пристройки храма всегда были заполнены тварями бродячими и лесными: больными волками, ранеными лисами, беременными собаками, хворающими кошками, хорьками, белками, оленями... Странно, но звери не дрались между собой, хищники не пытались полакомиться травоядными – все вели себя чинно и благородно. В домике для хранения запасов и подвале храма жило мышиное племя. Но и грызуны отличались удивительной благопристойностью. Они не уничтожали все запасы подряд, довольствуясь специальными кормушками. Мыши шныряли по всему храму, людей ничуть не боялись, даже наоборот, питали к ним симпатию и доверие. Я не знал, насколько это понравится Дарианне, когда девушка очнется, но храм Брижитты был для нее сейчас самым лучшим местом.

– Светает, – произнес мастер Триммлер, глядя в небо, чернота которого постепенно переходила в чернильный цвет.

Я молча кивнул.

– Слышь, лейтенант, я в город хочу прогуляться, – вдруг заявил гном.

– Зачем?

– Так Келдин-то ваш, – сын гор пренебрежительно сплюнул сквозь зубы, – утром присягу регентства принимает. Забыл? Посмотреть хочу, послушать, что народ говорит. Заодно разужу, что за переполох сегодня приключился.

– Все это можно сделать гораздо проще и безопаснее, – нахмурился я. – Попросим Копыла, он отправит на площадь свою астральную проекцию.

– Отправлю! – весело ответил за спиной Вадиус.

Мы резко обернулись и увидели мага, расплывшегося в радостной улыбке. Зрелище было настолько редким и парадоксальным образом делало лицо старика таким жутким, что мастер Триммлер тихо и восхищенно выругался.

– С ее высочеством все будет в порядке! – провозгласил чародей. – Конечно, девочка слаба, ей требуется уход, лечение. Но сознание, слава Лугу, не пострадало.

Я ощутил невероятное облегчение, а вместе с ним напонила о себе усталость. При необходимости я мог бы не спать еще суток трое, такая выносливость была одним из приобретений от падения первого покрова. Но бессонные ночи все равно выматывали. Теперь можно было с чистой совестью вздремнуть. Артфаал спрыгнул с моего плеча и медленно двинулся по храмовому двору, производя переполох среди подопечных матери Перетеи, почувствовавших присутствие темной силы. Завывали волки, злобно-истерично рычали собаки, мелкие звери разбежались кто куда. Я же отправился в лагерь. Мое появление чрезвычайно обрадовало дядю Ге, который тут же принялся потчевать меня лепешками и сыром, не забывая спрашивать о событиях этой беспокойной ночи. Подошел Лютый, послушал мой рассказ и, бросив: «Отдыхай!» – отправился проверять караулы. При виде меня он не выразил особой радости, но по выражению его лица я понял: Ом переживал и теперь испытал облегчение оттого, что миссия по спасению принцессы благополучно завершилась. Перекусив, я забрался в шатер и закрыл глаза.

– Лейтенант, вставай! – тут же раздался над ухом бодрый голос мастера Триммлера, следом меня энергично потрясли.

– Чего надо? – возопил я, готовясь проклясть неугомонного сына гор, мечтая напустить на него прострел, желудочные колики и спинницу, увенчав все это дело долгосрочной порчей. – Неужели нельзя оставить меня в покое хоть на пару часов?!

– Да ты уже вторые сутки спишь! – возмутился гном.

Я раскрыл один глаз и увидел мастера Триммера, который выглядел как-то непривычно и загадочно. Из-за сдвинутого полога шатра на лицо падал луч утреннего солнца. Невесть когда выпавший пушистый снег искрился радужным разноцветьем. Под боком похрапывал Артфаал. Зевнув, я уселся и пробубнил:

– Чего хотел-то?

– Дядюшка твой меня сюда послал! – бесхитростно пояснил мастер Триммер. – Наши на совет собрались, только тебя ждут, лейтенант.

Ну конечно. Старый пройдоха не пожелал сам будить своего питомца и нарываться на его недовольное ворчание. Отправил сына гор. Я выбрался из шатра, шурясь от резкой белизны снега. Лорд Феррли, незаметно подкравшись сзади, вскочил на мое плечо. Гном деловито шагал впереди, показывая дорогу. Он привел меня на небольшую полянку, стараниями магов превращенную в оазис тепла посреди зимнего леса. Волшебники растопили снег, открыв и высушив присыпанную жухлыми листьями рыжую траву. Пятачок окружала стена теплого воздуха, пройдя сквозь которую я на мгновение ощутил себя так, словно попал в майское утро. В середине поляны весело потрескивал костер, на котором в котелке булькал ароматный чай. Вокруг чинно восседали Грациус, Дживайн, мой драгоценный дядюшка, Лютый, Александриус и Дрианн со своей Лиллой.

– Все в сборе! – приветствовал меня Ом.

– Нет, еще Копыла ждем, – поправил его дядя Ге.

Мы с мастером Триммером присоединились к компании, получили по кружке обжигающего напитка. Вскоре из-за деревьев показался сияющий от счастья Вадиус.

– Ее высочество пришла в себя! – провозгласил он.

Старик уселся возле костра, потер худые руки:

– Опасность миновала. Девочка слаба, но она борется. И она хочет вас видеть, юно... молодой... господин барон.

– Сначала давай-ка расскажем лейтенанту, что на площади видели, – упрямо насутился мастер Триммер.

– Да-да, конечно. – Копыл рассеянно потер лоб. – Итак, я, как вы и просили, господин барон, послал туда свою астральную проекцию. Походил, побродил...

– Как побродили? А пожар?

– К тому времени все уже закончилось. Маги сумели это уничтожить.

– Что это?

– Не знаю. Почти никаких следов не осталось. Так, дым, чад. На площади суетились уборщики под конвоем имперских псов.

– Да ты толком говори, зануда, – крикнул гном, – или я скажу!

– Они убирали слизь, – махнув рукой на сына гор, быстро проговорил Вадиус, потом, увидев, что это не произвело на меня впечатления, пояснил: – энергетические остатки магии бездны.

– То есть вы хотите сказать, кто-то применил на площади магию бездны? – переспросил я.

– Я хочу сказать, что кто-то с помощью нее убил на площади создание бездны.

Я все так же непонимающе тарасился на Копыла. Мастер Триммер, не выдержав, вмешался:

– Послушал я, о чем народ шепчется. Так вот, люди видели, как посреди площади демон появился...

– Протестую! – ментально фыркнул Артфаал.

– Говорят, он на бабочку был похож, – продолжал гном, – только огромный очень и голодный. Сожрал одного гвардейца возле дворцовых ворот. Второй служивый шум поднял. Пока императорская гвардия мотылька этого пристрелить пыталась, он еще троих оприхо-

довал. Болты его не брали. Там уж и дворцовые маги подросли. Швыряли в него огненными шарами, швыряли, добились только того, что подожгли помост, который для торжества подготовили, и управу городской стражи. А тварь знай себе летала да народ жрала. Очень уж она юркая, говорят. Потом еще парочка летунов подросла. Тогда уж кто-то вызвал магов Совета и Верховного. Все вместе справились.

Что-то мне напоминал этот рассказ...

– Вы совершенно правы, дорогой барон, – вмешался в мои мысли лорд Феррли, – эти милые мотыльки очень похожи на предвестников бога бездны. Вспомните тараканов, появившихся перед приходом Пустынного бога.

– Но их было много...

– Так ведь все еще впереди, – успокоил демон.

– Но когда я их сжег, никакой слизи не было.

– Вы же не присматривались, что произошло дальше с их останками, – резонно возразил Артфаал.

Я призадумался. Выходило, Вериллий владел забытым колдовством? Никто не знает, в чем эта магия заключалась. Так, ходили среди волшебников неопределенные легенды, мол, против этих чар бессильны амулеты и даже артефакты, или вот про слизь... Впрочем, чему я удивляюсь? Вериллий способен на многое, особенно если речь идет о его собственной выгоде. Только вот если наши догадки правдивы, как с ним бороться? Он справился там, где другие маги потерпели фиаско, только помост сожгли. Помост!

– Так что же, принятие присяги не состоялось? – спросил я.

– Ну прямо там! Еще как состоялось! – скривился мастер Триммлер. – Помост потушить успели. Я с родственниками там был, своими глазами все видел. И не хмурься, лейтенант! Неужто до сих пор не понял: Виндор ваш в такой бордель превратился, прости меня, Луг, что никому дела нет до одного гнома! Тебя или Лиллу, может, еще и будут искать, а вот остальных... да я соблюдал осторожность: бороду перекрасил, – гном ткнул пальцем в спускающуюся с подбородка косу цвета летнего неба, и до меня дошло, что в его облике показалось мне непривычным. – А вообще мы – б'хойч – для людей все на одно лицо. Да и беспокоить нас остерегаются. Так что не волнуйся за меня. Так вот, я и говорю. Состоялась присяга-то. Ну и позорище вы себе на шею взгромоздили! Это я про Келдина. Нет, поклёп возводить не буду. Выглядел он почти прилично. Одежда там, плащ – все без оборочек, темное. Но на мужика принц похож так же, как я на придворную красотку, что там подвизалась на помосте. И вот что мне показалось: высочество и сам не рад, что его регентом объявили. Бледный какой-то, глазенки бегают. Вериллий там стоял, улыбался благодно, стрелу Тарантуса ему в плотку. Потом советник первый приказ регента прочел. Мол, прощает в честь праздничка всех мятежников, отменяет храмовую стражу и все такое. А тебя искать велели, сказали, ты весь мятеж затеял. Слушай, лейтенант, – не к месту развеселился сын гор, – вот я думаю: сколько еще на тебя грехов повесят? Послушать, так ты уже вроде Варрнауша, только копыт не имеется!

– погоди, а о Дарианне ничего не сказали? – переспросил я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.